

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

на тему:

**Языковые средства создания образа «злой жены»
в памятниках Московской Руси**

основная образовательная программа бакалавриата по направлению
подготовки 45.03.01 «Филология»

Исполнитель:

Обучающийся 4 курса
Образовательной программы
«Отечественная филология
(Русский язык и литература)»
очной формы обучения
Рочева Евгения Дмитриевна

Научный руководитель:
ст. преп. Чердаков Д. Н.

Рецензент:
к. ф. н., доц., доц. Аверина С. А.

Санкт-Петербург
2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Образ «злой жены» в контексте развития древнерусской литературы.....	6
1.1. История изучения образа «злой жены» в древнерусских памятниках .	6
1.2. Литературный этикет в древнерусской литературе.....	14
1.3. Языковая ситуация в поздней Московской Руси. Литературный язык Руси в XVII веке.....	20
Глава 2. Анализ языковых средств, служащих для создания отрицательной оценки.....	27
2.1. Грамматические и лексико-семантические средства создания образа «злой жены».....	27
2.2. Риторические и стилистические средства создания образа «злой жены».....	43
Заключение	58
Источники и словари	63
Литература	64

Введение

Феномен древнерусской словесности разносторонне исследован. Среди работ, направленных на изучение этапов развития древнерусской литературы, особо выделяются исследования, посвященные памятникам Московской Руси (XV—XVII вв.). Это во многом обусловлено разнонаправленными тенденциями, набравшими силу в русской литературе этой эпохи: приверженности традиции, с одной стороны, и формированием новых литературных жанров и литературно-языковых форм — с другой. Также характерной чертой литературы нового времени является пристальное внимание к личности и характеру литературного героя. Широко изучается репрезентация событий исторической действительности в литературе данного периода.¹

Особое место среди рассматриваемых литературно-языковых аспектов занимает тема типичных образов литературных героев. К XVII веку литературный герой претерпевает значительную трансформацию. Проблема характера, а также взаимоотношения характера и поступка не очень интересовала книжников в древнерусскую эпоху. Лишь в XVII веке, по словам Д. С. Лихачева, по-настоящему открывается человеческий характер в литературе.² Литературный герой перестает быть одномерной функцией, он обогащается широким спектром противоречивых эмоций и качеств. Типология литературных героев отражает неоднозначные и сложные процессы, происходившие в литературе данного периода. Многие литературные типы, свойственные словесности XVII века, восходят к библейским сюжетам, но при этом их изображение обогащается описанием личностных качеств и неизвестной ранее проработкой характера.

¹ Адрианова-Перетц В. П. Исторические повести XVII века и устное народное творчество // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 9. М., 1953. С. 67-68.

² Лихачев Д. С. Проблема характера в исторических произведениях начала XVII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 8. М., 1951. С. 219.

Интересным типом героя в древнерусской литературе является тип «злой жены». Этот образ нередко появляется в древнерусских письменных памятниках. Так, описания «злых жен» содержат «Моление Даниила Заточника» XIII в. и «Домострой» XVI в. В рукописях XV—XVI вв. исследователи выделяют «Слова о добрых и злых женах» как особый жанровый феномен. Более поздние тексты уже имеют полноценные сюжеты, где действуют героини, наделенные традиционными качествами «злой жены».

Многие исследователи занимались вопросом происхождения интересующего нас образа, обращаясь к его литературным корням и культурным кодам. Однако, как правило, эти изыскания носят литературоведческий, культурологический или текстологический характер. В то же время тема собственно языковых средств создания литературного образа является не до конца изученной. Так, в работах М. А. Дроздовой, посвященных образу «злой жены» в произведениях древнерусской словесности XVII века, достаточно подробно описывается роль и место данного типа в литературе эпохи, но языковые средства, с помощью которых создается тип литературного героя, автором не анализируются.

Таким образом, несмотря на то что именно языковые средства играют важную роль в формировании образов в литературных памятниках Московской Руси, а также отражают связь с литературно-языковой традицией, они остаются малоизученными. Наше исследование направлено на проведение анализа языковых средств и особенностей создания образа «злой жены». Этим обуславливается новизна настоящей работы.

Материалом анализа служат произведения второй половины XVII века: «Беседа отца с сыном о женской злобе», «Повесть о Савве Грудцыне», «Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы». Выбор текстов диктовался, с одной стороны, их принадлежностью к одному времени, а с другой — их ориентацией на разные жанровые традиции: если повесть и сказание воплощают нарративное начало, то «Беседа отца с сыном

о женской злобе» построена в характерной для средневековой учительной литературы форме диалога и явно ориентируется на более ранние анонимные «Слова о злых и добрых женах».

Таким образом, объектом исследования является образ «злой жены» в памятниках Московской Руси XVII века.

Предметом исследования являются грамматические, лексико-семантические, риторические средства создания образа «злой жены».

Цель исследования — выявление и систематизация языковых средств, служащих для создания образа «злой жены».

Задачи исследования:

1) описать историю изучения образа «злой жены» в памятниках поздней Московской Руси;

2) описать особенности языковой ситуации в Московской Руси XVII века, а также охарактеризовать понятие литературного этикета в древнерусской литературе;

3) на материале трех памятников XVII века выделить значимые для исследования языковые единицы различных уровней;

4) провести анализ отобранных языковых средств.

Настоящая работа состоит из введения, теоретической главы (содержащей три параграфа), исследовательской главы (содержащей два параграфа), заключения и списка использованной литературы.

Глава 1. Образ «злой жены» в контексте развития древнерусской литературы

1.1. История изучения образа «злой жены» в древнерусских памятниках

На Руси вплоть до конца XVII века нормы поведения женщины в частной и светской жизни базировались на религиозно-философской доктрине, которая была отражена в памятниках оригинальной и переводной древнерусской дидактической литературы³. Произведения христианской учительной литературы сыграли важную роль в формировании особого (по большей части основанного на предрассудках) общественного отношения к женскому характеру, женской сущности и женской красоте. Называя сочинения, сформировавшие образ «злой жены» и соответствующую литературную традицию, назовем прежде всего «Слова о добрых и злых женах» (при сокращении далее — «Слова») — «комплекс взаимосвязанных произведений на одну тему, распространенных в древнерусских рукописных сборниках».⁴ Тексты «Слов» входили в состав таких древних сборников поучений, как Изборник 1973, Изборник 1076, Златоструй, Измарагд, Великие Минеи Четьи, сокращенные варианты «Слов» содержатся в печатной редакции Пролога, а также в других сборниках. Исследователи трактуют «Слова о добрых и злых женах» как самостоятельное литературное явление, отмечая при этом его подвижный, вариативный и комплексный характер. В состав литературного комплекса «о добрых и злых женах» входит большое число произведений, объединенных одной темой. Сколько-нибудь устойчивый состав «Слов» определяется лишь к XV—XVI вв. и состоит преимущественно из текстов, приписываемых Иоанну Златоусту⁵. Тем не менее более вероятными основными источниками «Слов» ученые

³ Анпилогова Е. С. Русская женщина в восприятии современников на рубеже XVII—XVIII веков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. СПб., 2009. № 92. С. 45–48.

⁴ Каган М. Д. Слова о добрых и злых женах // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV — XVI в.). Ч. 2: Л–Я / АН СССР. ИРЛИ; Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1989. Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4630> (дата обращения: 01. 06. 2018).

⁵ Там же.

считают произведения Ефрема Сирина и Анастасия Синаита, а также фрагменты из книг Священного писания. Содержание «Слов» представляет собой галерею женских образов и портретов; книжники вспоминают истории Давида, Соломона, Самсона, Иоанна Предтечи, Ильи пророка, Иосифа Прекрасного, а также разрабатывают своды правил поведения жен. Многие сравнения и описания жен в «Словах» являются греческими афоризмами, на древнерусской почве эти устойчивые выражения стали пословицами⁶.

Одним из ярких примеров изображения «злой жены» в древнерусской литературе считается соответствующий фрагмент из «Моления Даниила Заточника» (XIII век). «Моление Даниила Заточника» (или «Слово Даниила Заточника») по праву можно назвать одним из самых интересных и в то же время загадочных произведений древнерусской литературы. Многие вопросы возникновения и бытования этого памятника до сих пор остаются неразрешенными. Так, доподлинно неизвестно, являлся ли Даниил Заточник, рассказчик, реальной исторической личностью или же это литературный образ, созданный анонимным автором⁷. Исследователи этого памятника убеждены в том, что тексты «Слова» и «Моления Даниила Заточника» находились в непосредственных отношениях преемственности и заимствования. Разрешением вопроса текстологии этих двух произведений занимался исследователь М. Н. Тихомиров⁸. Общие источники «Слова» и «Моления» отмечал также А. С. Архангельский, обнаружив в обоих памятниках фрагмент из сочинений Анастасия Синаита⁹. Е. О. Модестов, также изучавший древние прототипы «Моления», заметил, что образ женщины был заимствован автором произведения из греческих источников¹⁰.

⁶ Адрианова-Перетц В. П. Человек в учительной литературе Древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1972. Т. 27: История жанров в русской литературе X—XVII вв. С. 25.

⁷ Соколова Л. В. Слово Даниила Заточника // Библиотека литературы древней Руси. Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4942> (дата обращения: 01. 06. 2018).

⁸ Тихомиров М. Н. «Написание» Даниила Заточника // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1954. Т. 10. С. 269—279.

⁹ Архангельский А. С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Казань., 1890. Ч. 4. С. 174, 191.

¹⁰ Модестов Е. О послании Даниила Заточника // Журнал Министерства народного просвещения. 1880. Ч. 212. № 11. С. 165-196.

Об образе Даниила Заточника писал Д. С. Лихачев и характеризовал его как «образ скомороха, балагура и попрошайки»¹¹. Данное определение подтверждает тезис некоторых исследователей о том, что язык древнерусских текстов «о злых женах» отличался тенденцией к переплетению книжного языка и фольклора. А. Г. Бобров, отмечая явление проникновения фольклорной стихии в поучительную литературу XV века, определил, что древнерусские авторы «Слов о добрых и злых женах» заимствовали некоторый материал из «мирских притч» — небольших сюжетных рассказов, большинство из которых основаны на устном народном творчестве¹².

Литературный тип «злой жены» встречается во многих известных памятниках древнерусской словесности не только древнерусского периода — традиция изображения такой героини отразилась в произведениях эпохи Московской Руси. Исследования на эту тему присутствуют в различных работах ученых-медиевистов, которые занимались изучением того или иного произведения, содержащего образ «злой жены», разрабатывали проблемы текстологии текста, источников сюжета, жанровой и языковой специфики. Краткий обзор персонажей произведения, а также указания на место сюжета в истории русской и мировой средневековой литературы содержатся во вступительных статьях и комментариях к текстам памятников, изданных в составе серии «Библиотека литературы Древней Руси»¹³. Однако упоминания об образе «злой жены» в этих статьях, как правило, не выходят за рамки описания образов конкретных героинь в сюжетных построениях конкретных произведений.

Л. В. Титова в 1987 г. опубликовала исследование произведения «Беседа отца с сыном о женской злобе» и подготовленный текст памятника, в

¹¹Лихачев Д. С. Система литературных жанров Древней Руси // Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 70.

¹²Бобров А. Г. «Мирские притчи» в древнерусской рукописи XV века // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1993. Т. 46. С. 291-299.

¹³Библиотека литературы Древней Руси. Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=2070> (дата обращения: 01. 06. 2018).

основе сюжета которого лежит рассуждение о природе женского характера.¹⁴ Анализируя источники этого текста, Титова называет ряд произведений, в которых содержится образ «злой жены», тем самым, вслед за исследователями старших памятников подобной тематики, иллюстрируя предполагаемый путь данного топоса сквозь историю мировой древнейшей и средневековой литературы. Ранее к тексту «Беседы» обращались такие ученые, как А. Н. Пыпин¹⁵ и А. Н. Веселовский,¹⁶ в обзорах повествовательной литературы XVII века. Тем не менее книга Титовой является первым полноценным исследованием памятника XVII в. «Беседа отца с сыном о женской злобе», в котором широко освещены вопросы жанра произведения и его мотивных источников.

Анализом образа «злой жены», то есть определенного литературного топоса, встречающегося во многих памятниках литературы, занимается современная исследовательница М. А. Дроздова. Дроздова выпустила несколько статей, посвященных литературной интерпретации образа «злой жены»: «Злая жена в древнерусской словесности»; «Женские образы в переводной новеллистической повести XVII в.», где рассматриваются непосредственно повести, датированные XVII в. Следует упомянуть также ее статью «Образ “злой жены” в произведениях древнерусской словесности XVII в.», в которой предметом исследования стали не только новеллистические произведения, но и памятники других жанров.¹⁷ В работах Дроздовой много внимания уделено также вопросу формирования этого образа в древнерусской словесности: исследуются древние тексты, так или иначе повлиявшие на становление образа данной героини на почве русской литературы.

¹⁴ Титова Л. В. Беседа отца с сыном о женской злобе. Новосибирск, 1987.

¹⁵ Пыпин А. Н. История русской литературы. СПб., 1902. Т. 2. С. 528.

¹⁶ Веселовский А. Н. Памятники литературы повествовательной // Галахов А. История русской словесности, древней и новой. Т. 1. СПб., 1880. С. 443.

¹⁷ Дроздова М. А. Образ «злой жены» в произведениях древнерусской словесности XVII века // Вестник ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Т. 1. № 4. СПб., 2015. С. 9-15; Дроздова М. А. «Злая жена» в древнерусской словесности // Русская речь. № 4. М., 2016. С. 67-74; Дроздова М. А. Женские образы в переводной новеллистической повести XVII в. // Новый филологический вестник. Т. 40. №1. М., 2017. С. 57-67.

Статьи Дроздовой небольшие по объему, но емкие по своему содержанию. Исследовательница утверждает, что линия изображения «женской злобы» берёт свое начало в традиции Священного Писания. Рассуждения на тему природы женского характера изложены как в ветхозаветных памятниках (Книга Екклесиаста, Книга притчей Соломоновых, Книга премудростей Иисуса, сына Сирахова), так и в традиции Нового Завета — например, в посланиях святого апостола Павла, «Словах о добрых о злых жёнах», приписываемых перу Иоанна Златоуста.¹⁸ Традиция описания того, какой женщина не должна быть, согласно своему первоначальному предназначению, проникла на древнерусскую почву и отразилась в таких оригинальных памятниках, как «Моление Даниила Заточника» XIII в., «Домострой» XVI в. и «Беседа отца с сыном о женской злобе» XVII в.

Дроздова утверждает, что древнерусские книжники, перенявшие западную линию изображения женской злобы в памятниках, подают её довольно самобытно. Несмотря на то что книжники опирались прежде всего на тексты Писания и толкования к ним византийских Отцов Церкви (а также на другие византийские тексты религиозного содержания), ветхозаветный мотив неотделимости зла от самой женской природы древнерусские авторы несколько изменили. Эта сюжетная модель на почве древнерусской литературы выглядит так: дьявол вмешивается в судьбу замужней женщины, искушает её, и именно под воздействием сверхъестественных сил зла жена становится «злой» и «лукавой», подобно самому дьяволу.

В то же время перечисленные выше древнерусские памятники («Моление Даниила Заточника», «Домострой» «Беседа отца с сыном о женской злобе») представляют собой скорее не повествование, а рассуждения о «злых жёнах» и постулирование сформированного библейской моралью мнения условного автора. Фактически эти тексты

¹⁸ Дроздова М. А. Образ «злой жены» в произведениях древнерусской словесности XVII века // Вестник ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Т. 1. № 4. СПб., 2015. С. 9.

бессюжетны, за исключением некоторого обрамляющего сюжета, формирующего рамку, внутри которой звучит рассуждение или беседа.

По мнению Дроздовой, образ «злой жены» как особый художественный тип героини формируется в текстах оригинальных и переводных повестей XVII в. В качестве материала исследования в ее статьях используется в общей сложности 11 повестей, в которых «злая жена» является отрицательным персонажем. Дроздова дает подробный литературоведческий анализ этого персонажа. Так, исследовательница утверждает, что образ героини часто полностью лишён характера и личностных черт, «злой женой» движет только страсть и злоба. В многочисленных текстах героиня этого типа впадает в прелюбодеяние, лжёт и наговаривает на супруга и других персонажей. Интересным кажется то, что в некоторых текстах, приведенных Дроздовой в качестве исследуемого материала, героиня остается безымянной (например, в «Повести о купце Григории» и в «Повести о Савве Грудцыне»), что также свидетельствует о том, что для автора не важен характер и личность героини, в этом образе книжник олицетворяет грехопадение и соблазны, преследующие героя-мужчину.¹⁹

Дроздова почти не обращается к языку памятников, однако при описании героини прибегает к примерам использования авторами значимых эпитетов, сравнений и метафор. Так, исследовательница говорит о шаблонных «животных» метафорах и сравнениях, применяемых к «злой жене» — «ехидна», «львица», «змея». образу «злой жены» сопутствуют эпитеты «лукавая», «проклятая» «лютая». Склоняет к греху блудодеяния она с помощью «женской лестии».²⁰ Также героиня может пользоваться колдовством и зельями.

Исследовательница отдельно отмечает ряд памятников, в которых присутствует мотив неравного брака («Повесть о семи мудрецах», «Повесть о

¹⁹ Дроздова М. А. Образ «злой жены» в произведениях древнерусской словесности XVII века. // Вестник ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Т. 1. № 4. СПб., 2015. С. 13.

²⁰ Там же. С. 11.

купце Григории», «Повесть о старом муже и молодой девице»), который добавляет к топосу «злой жены» еще одну черту — искусительница зачастую молодая и красивая женщина, эти качества помогают героине обмануть мужчину.

Как уже было сказано прежде, Дроздова отдельно исследовала переводные повести-новеллы XVII в. В отличие от оригинальных памятников, «психология» героев в сюжетах «Повести о семи мудрецах», «Повести о королевиче Валтасаре» и «Повести о купце, заложившемся о добродетели жены своей» более сложна. Изображение «злой жены» здесь не всегда сопровождается негативными эпитетами и сравнениями, женский персонаж становится несколько амбивалентным. Таким образом, Дроздова утверждает факт различия художественных методов переводной новеллы и древнерусской повести XVII в.²¹ Западный средневековый автор в этот период стремился к объективности, зачастую отказывался от оценочности, тогда как для древнерусского книжника моралистическая телеологичность сюжета выходила на первый план.²²

Следует отметить также статью Е. А. Сулицы «Женские типы “искусительницы” и “злой жены” в русской повести конца XVII века — начала XVIII века»²³, в которой также затрагивается интересующая нас тема. При этом научные интересы автора выходят за пределы материала настоящей работы — Е. А. Сулица для исследования привлекает тексты Петровской эпохи.

Сулица еще раз подчеркивает древние истоки образа «злой жены». В статье она говорит о важнейших женских образах, представленных в Библии: Еве, жене и в то же время искусительнице, и о противоположном ей образе Девы Марии, который становится примером христианской праведности.²⁴

²¹ Дроздова М. А. Женские образы в переводной новеллистической повести XVII в. // Новый филологический вестник. Т. 40. № 1. С. 57-67. М., 2017. С. 62.

²² Там же.

²³ Сулица Е. И. Женские типы «искусительницы» и «злой жены» в русской повести конца XVII века — начала XVIII века // Вестник славянских культур. Т. 4. № 34. М., 2014. С. 168-177.

²⁴ Там же. С. 168-169.

Кроме того, исследовательница считает, что на формирование образа «злой жены» повлияла западная агиографическая литература, например исповедь Марии Египетской.²⁵ Сулица придерживается мнения о том, что собирательный образ «женщины-искусительницы», характеристики которого выстраиваются противоположно образу положительной героини — «доброй жены», получает свое развитие в поучительной повествовательной литературе конца XVII — начала XVIII вв. Однако исследовательница отмечает и памятники так называемого переходного периода в истории древнерусской литературы, говоря о том, что в них еще сохранилось восприятие женщины как греховной по самой своей природе — это переведенный с литовского памятник «Златое иго супружества» (первая половина XVII в.) и оригинальная «Повесть о Фроле Скобееве» (XVII в.).

Возвращаясь к монографическому исследованию Л. В. Титовой, отметим еще раз, что оно посвящено лишь одному памятнику — «Беседе отца с сыном о женской злобе». Тем не менее, как пишет автор, данный памятник — переплетение разнообразных афоризмов и метких бытовых зарисовок, изображающих «злую жену» в различных жизненных ситуациях.²⁶ Зачастую эти афоризмы и мотивы являются цитатами или вольным пересказом Священного Писания и древней религиозной литературы. Из конкретных прецедентных текстов Титова, вслед за А. Н. Пыпиным и А. Н. Веселовским, приводит прежде всего Библию, многочисленные «Слова о добрых и злых жёнах», книгу «От старчества», Изборник 1076 г., Соломонов суд об испытании мужского и женского разума, приклады «Римских деяний».²⁷ Также Титова рассматривает вопрос о возможной цитации в «Беседе отца с сыном о женской злобе» произведения византийского богослова Ефрема Сирина «Слово на лукавых жён». При этом, занимаясь вопросом о заимствованиях в тексте исследуемого памятника, Титова сосредотачивается

²⁵ Сулица Е. И. Женские типы «искусительницы» и «злой жены» в русской повести конца XVII века — начала XVIII века // Вестник славянских культур. Т. 4. № 34. М., 2014. С. 169.

²⁶ Титова Л. В. Беседа отца с сыном о женской злобе. Новосибирск, 1987. С. 115.

²⁷ Там же. С. 114.

на сюжете и жанре «Беседы...», не сравнивая особенности изображения собственно образа злой жены с примерами из других произведений русской литературы.

Подводя итоги изучению истории вопроса, заметим, что объемных монографических работ, посвященных нашей теме, нет. Вопросы языка текстов затрагиваются в малой степени, описанные работы М. А. Дроздовой, Е. А. Сулицы и Л. В. Титовой носят литературоведческий или текстологический характер.

1.2. Литературный этикет в древнерусской литературе

Читая и анализируя древнерусские тексты, стоит помнить, что литература и язык, на котором создавались произведения в Средневековье, значительно отличаются от литературы и языка на современном этапе их развития. Древние писцы и книжники опирались на особые источники, пользовались определенным набором языковых средств выразительности, чтобы создать те образы и смыслы, которые требует тематика и жанр произведения и которые отвечают культурному духу эпохи.

В «Поэтике древнерусской литературы» Д. С. Лихачев говорит о том, что в эпоху феодализма тенденция к обрядности в общественной жизни людей проникла почти во все виды искусства. В живописи, строительстве, прикладном искусстве, даже в моде на одежду раннего и развитого феодализма обнаруживается склонность к этикету. Так же и в литературе того времени авторы произведений облекали мысли в различные этикетные формы: «Литературный этикет и выработанные им литературные каноны — наиболее типичная средневековая условно-нормативная связь содержания с формой».²⁸

В конце XIX — начале XX вв. В. О. Ключевский²⁹ и А. С. Орлов³⁰ занимались исследованиями отдельных жанров древнерусской литературы и

²⁸ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 80-81.

²⁹ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.

подобрали большое количество литературных формул, присущих этим жанрам. Однако, как отмечает Лихачев, его предшественники не обратили должного внимания на то, что выделенные формулы встречаются в текстах за пределами исходных жанров. Например, житийные формулы часто обнаруживаются в летописях, в хронографе, в исторических повестях и т. д. Ученый утверждает, что вовсе не жанр текста определяет выбор выражений, а предмет, о котором говорится в тексте: «Именно предмет, о котором идет речь, требует для своего изображения тех или иных трафаретных формул».³¹

Язык древнерусских произведений подчинен литературному этикету. Лихачев настаивает на том, что в древнерусскую эпоху не было единого литературного языка, следует говорить о двух разных литературных языках: о церковнославянском и о древнерусском литературном языке. Доказывая этот тезис, ученый ссылается на положение Л. П. Якубинского о тенденции к диссимилиации церковнославянского и древнерусского языка в эпоху Киевской Руси.³² Благодаря этому, по мнению Лихачева, автор мог согласно литературному этикету в разных тематических фрагментах текста прибегать к использованию то церковнославянизмов, то элементов некнижной языковой традиции. Порой игра с языковыми регистрами в рамках одного текста вызывала научные дискуссии и серьезные сомнения ученых в вопросах авторства памятника (как, например, в случае с «Поучением» Владимира Мономаха).

Церковнославянский язык был общим литературным языком для многих славянских стран, «с которыми Древняя Русь находилась в постоянном книжном общении».³³ Многие литературные произведения, написанные на церковнославянском языке или переведенные на церковнославянский с других языков, перемещались из одной славянской страны в другую. У церковнославянского литературного языка была

³⁰ Орлов А. С. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв. СПб., 1909.

³¹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 81.

³² Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953.

³³ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 83.

неподвижная база образцов, трафаретов, которые «кочевали» из одной национальной литературы в другую, из одного текста в другой. Наиболее жестко связанными с литературно-языковой формульностью являлись церковные и богослужебные книги.

Несмотря на большое количество выделенных языковых формул в древнерусских произведениях и достаточную частоту их употребления, литературный этикет не ограничивался одним лишь словесным выражением. Лихачев использует понятие «трафарет ситуации»³⁴, подразумевая под ним типический эпизод или типическое действие в средневековом произведении, его описание, которое может выражаться с помощью нескольких различных языковых формул.

Древнерусский литературный этикет связан с понятием воспитания. Этикетные правила зачастую взяты из реального этикетного обихода, примеров светской и церковной жизни: в качестве примера Лихачев приводит «Чтение о житии и о погублении Бориса и Глеба». Однако интересно уточнить, что только поведение идеальных героев подчинялось этикетным нормам реальности. Поведение же злодеев, отрицательных персонажей подчинялось только этикету ситуаций — «чисто литературному по своему происхождению».³⁵

Древнерусские книжники не просто знали определенный канон, они стремились его соблюдать. Этим объясняется традиция переноса отдельных описаний, речей действующих лиц из памятника в памятник — характерная черта средневековой литературы в целом и древнерусской в частности. Такие заимствования (иногда переложения целых сюжетных линий, эпизодов) осуществлялись не для того, чтобы выдать чужой труд за свой собственный. Переносились прежде всего те формулы, которые имели отношение к этикету. Целью средневекового автора было воссоздание образа героя по аналогии с образцами; книжники и писцы «стремились все ввести в

³⁴ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 86.

³⁵ Там же. С. 88.

известные нормы, все классифицировать, сопоставить с известными случаями из священной истории, снабдить с соответствующими цитатами из священного писания и т. д.».³⁶ Вместе с тем ошибочно делать вывод о том, что древнерусская литература представляет собой только лишь механически составленные из известных формул и цитат тексты, лишенные каких-либо собственно древнерусских стилистических особенностей. Древнерусские сочинители упоминали образцы только там, где необходимо, они озабочены «общей благообразностью изложения».³⁷

Литературный прием переноса устойчивых стилистических формул является обычным и естественным приемом для поэтики древнерусской литературы. Узнаваемые образы, метафоры, цитаты призваны отсылать читателя к уже имеющейся традиции, вызывать в нем определенное настроение. Средневековый читатель, взаимодействуя с текстом, принимает участие в известном ему обряде, церемониале. По мнению Лихачева, традиционность литературы зависит напрямую от характера эстетической системы, а также от чувства современности у читателей литературы (последний тезис отсылает к статье Ю. Н. Тынянова «О литературном факте» и идеи автора об автоматизме и деавтоматизации в литературе³⁸). Такого чувства не было у древнерусских читателей, которых зачастую старые произведения интересовали больше, чем только что созданные. Древние формулы, устойчивые выражения уходили из обихода древнерусских книжников, когда теряли свое содержание, а их внешняя форма окончательно «окаменевала». Трафареты вновь могли наполняться новыми смыслами, однако их первоначальная этикетная функция навсегда исчезала.

Говоря об упадке формульности в древнерусской литературе, Лихачев замечает, что в эпоху становления русского централизованного государства литературный этикет, казалось бы, переживал свой второй расцвет, период необычайного внимания к использованию конкретных формул. Авторы

³⁶ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 89.

³⁷ Там же.

³⁸ Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 255-270.

воинских повестей того времени дополняют в языковом плане устойчивые выражения, характерные для данного жанра. Но такое распространение привело к расшатыванию литературных канонов. Интересно, что процесс разрушения литературных канонов совпал с периодом небывалого развития этикета в реальном обиходе людей. В своих произведениях книжники в XVI в. пытаются изменить традиционные формулы, делая их соответствующими реальному усложненному этикету того времени. Эта тенденция и приводит к «гибели» литературных трафаретов, продержавшихся в древнерусской литературе несколько веков. «Устойчивый, краткий и компактный вначале, этикет становится <...> все более пышным и одновременно расплывчатым и постепенно растворяется в новых литературных явлениях XVI и XVII вв.»³⁹ Лихачев говорит о крушении не только литературного этикета, но и этикетности вообще и связывает это с возникшим в эпоху Московской Руси новым характером феодализма.

Описание языковых единиц, с помощью которых эксплицируется формульность в произведениях древнерусской словесности, присутствует во многих работах ученых-медиевистов. Это монографии уже упоминавшихся ученых Орлова и Ключевского, посвященные анализу памятников жанра воинских повестей и житий. С другой стороны, многие языковые формулы были рассмотрены учеными-лингвистами, которые работали в области истории фразеологии: В. П. Адриановой-Перетц, И. П. Ереминым, Н. А. Мещерским, О. В. Твороговым, В. М. Загребиним, С. Г. Шулежковой, А. Г. Ломовым, А. Т. Хроленко и др. Тем не менее, на данный момент не существует полного научного описания древнерусских устойчивых выражений, как и не представляется возможным указать однозначное общепринятое обозначение для каждого типа таких единиц.

О данной проблеме рассуждает в своей книге «Древнерусский литературный язык» В. В. Колесов. Приводя примеры предложенных в разное время терминов для обозначения тех или иных древнерусских

³⁹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 97.

устойчивых сочетаний, автор отмечает, что каждый из этих терминов «отражает только одну сторону явления, важную для исследователя, но не выделяет его существенного признака».⁴⁰ Сам же Колесов предлагает термины «формула» и «синтагма» (последний с отсылкой на И. А. Бодуэна де Куртенэ и Л. В. Щербу), считая эти понятия наиболее удачными в плане выражения функционального значения словесного комплекса. По мнению Колесова, термин «формула» не нуждается в уточнении определением «стилистический», так как древнерусские формулы стали стилистическим средством только в момент разрушения.⁴¹ Также ученый утверждает, что именно формула-синтагма, а не текст и не слово являлись основным элементом древнерусского литературного языка. Данное положение логически соотносится с рассмотренной теорией традиционности и этикетности древнерусской литературы Лихачева.

В древнюю эпоху, по мнению Колесова, совершалось постоянное развитие новых «речений», с помощью которых можно было словесно выразить быт и бытие средневекового человека. Позднее эти «речения» стали подвергаться художественной обработке, осмыслению, на пространстве одного текста начали сталкиваться формулы разного происхождения. «Содержательный смысл средневековой литературы — в накоплении подобных языковых формул».⁴² Особенно долго, пишет Колесов, формулы просуществовали в юридическом, воинском и ремесленном быту. Для эпохи, когда процесс возникновения синтагм особенно усиливался, затруднительно разграничить собственно древнерусские и заимствованные выражения. Однако Колесов убежден, что именно на основе семантического сближения синтагм разного происхождения создавался тот единственный вариант, который стал фактом древнерусского литературного языка.⁴³

⁴⁰ Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. Л., 1989. С. 136.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 138.

⁴³ Там же. С. 141.

На основе рассмотренного теоретического материала можно сделать некоторые выводы, применимые к теме и предмету настоящего исследования.

Во-первых, «кочующий» из одного древнерусского памятника в другой образ «злой жены» — закономерное для русской средневековой литературы явление. Такой тип героини является литературным топосом, который переносился из произведения в произведение согласно установившимся литературным канонам описания данного образа. Установленные исследователями этого вопроса истоки образа «злой жены» лишний раз подтверждают известный тезис о том, что Древняя Русь находилась в тесных литературных отношениях с другими славянскими странами, памятники других национальных литератур, написанные на церковнославянском языке или переведенные на церковнославянский язык с других языков, были хорошо известны в древнерусской литературной среде, активно читались.

Во-вторых, интересным для анализа образа «злой жены» является мысль Д. С. Лихачева о том, что формулы для создания отрицательных героев средневековых памятников являются искусственным и тенденциозным литературным явлением.

В-третьих, поскольку предметом настоящего исследования являются тексты XVII века, интерес для нас представляет приведенный выше тезис об изменении характера литературной формульности в XVI в. и последующей «гибели» литературных трафаретов в XVII в.

1.3. Языковая ситуация в поздней Московской Руси. Литературный язык Руси в XVII веке

В истории России XVII век — сложный и напряженный период, ознаменованный острыми социальными и политическими конфликтами. Московская Русь вошла в семнадцатое столетие в состоянии незавершившейся Смуты, затем последовали польская и шведская интервенции, многочисленные народные бунты и церковный раскол. Таким

образом, XVII в. можно охарактеризовать как эпоху колоссальных сдвигов во многих сферах жизни государства. Одновременно с тем, как обновлялся быт и социальная жизнь людей, значительные изменения начали происходить в культуре, литературе и языке Московской Руси.

Д. С. Лихачев определил эту эпоху в истории русской культуры и истории русской литературы как «век постепенного перехода средневековой литературы к новой, от средневековой культуры — к культуре Нового времени»⁴⁴. Для того чтобы в полной мере представить себе языковую ситуацию периода поздней Московской Руси, следует обратиться к трудам крупнейших исследователей истории русского литературного языка и истории древнерусской литературы.

По словам Н. А. Мещерского, литературный язык Московской Руси (под этим периодом ученый подразумевает XIV—XVII вв.) неразрывно связан развитием литературы всей предшествующей поры⁴⁵. В эту эпоху вновь возрос интерес к древним памятникам, и многие книжники занялись переписыванием и переработкой таких известных произведений, как, например, «Моление Даниила Заточника». Середину семнадцатого века Мещерский считает верхней границей национального периода развития русского литературного языка⁴⁶. Именно в этот период начинает прослеживаться тенденция к сближению письменного языка и разговорной речи. Также в качестве особенности обновления языковой системы Мещерский выделяет качественное изменение лексического строя старорусского языка — например, в XVII в. из общерусской речи выделяется пласт военной лексики⁴⁷.

Описывая языковую ситуацию и проблемы книжного литературного языка в XVII в., многие исследователи основным определяющим фактором считают феномен двуязычия. Б. А. Успенский, автор теории диглоссии,

⁴⁴ Лихачев Д. С. Семнадцатый век в русской литературе // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, Н. В. Поньрко. СПб., 2006. Т. 15: XVII век. С. 5.

⁴⁵ Мещерский Н. А. История русского литературного языка. Л., 1981.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

видит в распространении в начале века на великорусской почве юго-западных книжных языковых норм причину разрушения диглоссии и появлении на ее месте нового явления — двуязычия⁴⁸ (сосуществования церковнославянского языка и русского языка). Ученый выделяет характерные черты двуязычия, которые отличают его от диглоссии: в сложившейся языковой ситуации стал возможен перевод с одного языка на другой (диглоссия не допускает такой возможности). Функции церковнославянского языка расширились — в XVII веке на нем составляются некоторые деловые документы, на церковнославянском учат говорить. Подобно латыни на Западе, церковнославянский язык стал языком учености (это же утверждение присутствует у Н. А. Мещерского⁴⁹). В то же время в Юго-Западной Руси начиная с XV века активно развивается «простой» вариант литературного языка, близкий разговорной речи и противопоставленный книжно-церковнославянскому литературному языку, — «простая мова». Попытки выработать «простой» литературный язык в Московской Руси станут заметны во второй половине XVII века и позднее найдут свое полное воплощение в устремлениях культурных деятелей Петровской и послепетровской эпохи.

Е. Г. Ковалевская также отмечала явление двуязычия, возникшее в Московской Руси, характеризуя его как сосуществование и смешение систем литературного славянизированного языка и живой великорусской речи⁵⁰. На примерах литературных памятников XVII века можно проследить тенденцию смешения форм, относящихся к разным языковым регистрам, — часто в пределах одного произведения. Например, книжники, создававшие свои сочинения в семнадцатом столетии, использовали сразу несколько глагольных временных форм, древних и новых, внутри одного текста. Ковалевская убеждена, что авторы этой эпохи сознательно употребляли средства славянизированного и архаического книжного языка параллельно с

⁴⁸ Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). М., 2002. С. 472.

⁴⁹ Мещерский Н. А. История русского литературного языка. Л., 1981.

⁵⁰ Ковалевская Е. Г. История русского литературного языка. М., 1978. С. 116.

живыми русскими языковыми элементами, так как в определенных случаях повествование требовало книжного стиля. Говоря о господствующих в литературе XVII века стилях, Ковалевская описывает стиль «плетения словес»⁵¹. Согласно требованиям этого стиля текст должен быть богато украшен художественно-образительными средствами, в том числе разнообразными тропами и фигурами речи. Книжники считали, что истории о героях, князьях и религиозных подвигах должны быть написаны высоким стилем — этой идее подчинены все средства языкового плана выражения в произведении. Этот стиль был ранее подробно изучен другим исследователем — А. С. Орловым. Как писал ученый, «создался стиль, который объединил всю пестроту предшествующих приемов книжного повествования в однородную, цветистую одежду, достойную величавых идей Третьего Рима»⁵².

В общекультурном аспекте ярким явлением литературы поздней Московской Руси, по мнению некоторых исследователей, является стиль барокко. Это явление отсылает к европейской культуре эпохи Позднего Возрождения, когда стиль барокко был господствующим и распространялся на различные культурные сферы: не только на архитектуру, живопись, скульптуру, литературу, но и на философию европейцев, их мировосприятие и даже моду. Однако о полноценном русском барокко мы говорить не можем: западное барокко складывалось на основе определенных социальных предпосылок, а на Руси барокко не имело подобных корней⁵³. Говоря о литературном барокко второй половины XVII века, мы подразумеваем лишь частичное сходство с европейским барокко, близость их отдельных черт. Среди представителей этого направления исследователи обычно выделяют Симеона Полоцкого, Сильвестра Медведева, Кариона Истомина; также стиль барокко прослеживается в драматургии второй половины XVII века. Д. С.

⁵¹ Ковалевская Е. Г. История русского литературного языка. М., 1978. С. 116, С. 122.

⁵² Орлов А. С. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII веков. СПб., 1909. С. 346.

⁵³ Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. Л., 1987. С. 151.

Лихачев в монографии «Человек в литературе Древней Руси» выделяет некоторые характерные черты этого стиля, приводя в пример стихотворные строки Симеона Полоцкого. В первую очередь для стиля барокко характерна орнаментальность. «Форма барокко — открытая форма. Она разрешает присоединение бесчисленного множества деталей, способствует развитию “мелкописи”, столь типичной для одновременной “литературе барокко” живописи»⁵⁴. Герои в произведениях барокко обычно лишены индивидуальных черт: для описания человека используются те же средства художественной выразительности, что и для зверей, птиц, деревьев, явлений неживой природы.

В XVII веке на Руси появляются посады. Это новое явление организации городской жизни приводит к возникновению спроса на светскую («посадскую») литературу. Для создания демократической прозы старые книжные формы оказываются ненужными — этот процесс считается важным фактором становления русского национального языка⁵⁵. В истории изучения старорусской демократической прозы выделяются классические труды В. П. Адриановой-Перетц: именно ее исследования во многом «открыли» демократическую литературу XVII века и пробудили интерес к данной теме у ученых-литературоведов⁵⁶. По замечанию А. М. Камчатнова, жанр демократической сатиры развился в определенной социальной группе, а именно в «низах общества»⁵⁷. Камчатнов считает, что в жанре демократической сатиры, близком живому разговорному языку, наблюдается тенденция к разрушению двуязычия, так как «...в сатирической, социальной и бытовой прозе протекает процесс объединения разнородных языковых элементов в новые стилистические единства»⁵⁸. Однако ученый замечает, что литература, относящаяся к демократическим жанрам, была периферийным

⁵⁴ Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. Л., 1987. С. 151.

⁵⁵ Ковалевская Е. Г. История русского литературного языка. М., 1978. С. 123.

⁵⁶ Адрианова-Перетц В. П. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.; Л. 1937; Русская демократическая сатира XVII века / Подгот. текстов, ст. и коммент. В. П. Адриановой-Перетц; Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.; Л., 1954.

⁵⁷ Камчатнов А. М. История русского литературного языка. XI — первая половина XIX века: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. пед. учеб. заведений. М., 2015. С. 204.

⁵⁸ Там же. С. 208.

явлением литературного процесса XVII века; ядром же оставались книжный «высокий» стиль и славянизированный литературный язык.

Наблюдения над особенностями посадской литературы можно найти также в трудах Б. А. Ларина⁵⁹. В качестве примеров обновления нормы литературного языка исследователь приводит многочисленные посадские пословицы. В них, по замечанию Ларина, отсутствуют религиозные мотивы, а язык не содержит старославянизмов и устойчивых сочетаний религиозно-дидактической литературы.

Связь появления новой светской литературы с трансформацией литературного языка была также рассмотрена А. И. Соболевским⁶⁰. По мнению ученого, запрос на светскую, более понятную литературу появился, так как прежний трудный и насыщенный архаизмами литературный язык перестал удовлетворять читателя. В числе повестей, написанных в старший период развития русской беллетристики, была и знаменитая «Повесть о Савве Грудцыне». Язык произведения Соболевский оценивает как «плохой славянский»⁶¹, так как автор постоянно сбивается на живой разговорный язык. Тем не менее, как отмечает исследователь, «Повесть о Савве Грудцыне» частично составлена в традиции древних дидактических повестей и носит строгий религиозный характер.

Сравнивая результаты исследований различных отечественных ученых в области изучения русского литературного языка поздней Московской Руси, сделаем следующие основные выводы. Во-первых, эпоха XVII века в истории русской литературы богата оригинальными литературными произведениями, и в большинстве памятников того периода обнаруживаются следы и закономерности стилистических сдвигов, смешения стилей, языковых форм и в то же время следы развития новых литературных явлений на основе книжно-славянского языка. Во-вторых, литература и язык в XVII веке оказывали друг на друга взаимное влияние: спрос на светскую, «простую»

⁵⁹ Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка. СПб., 2005.

⁶⁰ Соболевский А. И. История русского литературного языка. Л., 1980. С. 105.

⁶¹ Там же.

литературу породил самобытный язык демократической прозы, преимущественно отказывающийся от церковнославянской литературной нормы. Одновременно бытование «ученого» церковнославянского языка, расширявшего свои функции и выходявшего за рамки богослужебной литературы, создавало языковую почву для функционирования «высокой» литературы XVII века, эксплуатировавшей в том числе и новые западноевропейские стилевые и жанровые тенденции, например стилевые черты барокко. Две противоположные тенденции — профанация литературного языка в светских произведениях и архаизация литературного языка в памятниках, сохраняющих черты древней религиозно-дидактической традиции, — параллельно существовали на протяжении целой эпохи.

Глава 2. Анализ языковых средств, служащих для создания отрицательной оценки

2.1. Грамматические и лексико-семантические средства создания образа «злой жены»

В данной главе будут рассмотрены языковые средства, служащие для создания отрицательной оценки образа «злой жены» в таких памятниках литературы XVII в., как «Беседа отца с сыном о женской злобе» (при сокращении далее — «Беседа»), «Повесть о Савве Грудцыне» (при сокращении далее — «Повесть») и «Сказание об убиении Даниила Суздальского» (при сокращении далее — «Сказание»). Данные тексты цитируются по их научно подготовленному изданию в серии «Библиотека литературы Древней Руси»⁶² (выходные данные конкретных текстов приведены в разделе «Источники»). Цитаты из текстов приводятся в упрощенной орфографии.

Следует отметить неравнозначность реализации темы «злой жены» в указанных текстах. При описании сущности женской природы автор «Беседы отца с сыном о женской злобе» использует более разнообразный языковой инструментарий, чем авторы «Сказания» и «Повести», так как образ «злой жены» в «Беседе» является магистральной темой. В двух других текстах эта тема остается на периферии, чем обусловлен более скромный — в количественном и качественном отношении — репертуар используемых для реализации темы языковых средств.

Прежде всего обратимся к синтаксическому аспекту формирования образа «злой жены». Ее характеристика может быть по-разному реализована в синтаксическом отношении. Наиболее яркой эта характеристика является в

⁶² Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, Н. В. Поньрко. СПб., 2006. Т. 15: XVII век. Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. URL: <http://www.odrl.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4852> (дата обращения: 01. 06. 2018).

тех случаях, когда помещается в коммуникативно сильную позицию — позицию предиката. В связи с этим рассмотрим различные предикативные группы в текстах. Термин «предикативная группа»⁶³ в данном случае понимается нами как группа сказуемого⁶⁴ (сказуемое и его зависимые слова).

В анализируемых памятниках сказуемое может быть разных типов и выражается разными способами:

Простое глагольное сказуемое: *пыхнет, возненавидит, злословит, укоряет, осуждает, чарует, рыкает, шипит, стонет, охает, плачет, высосет, скачет, умерщвляет, пляшет, лстит, оболстит, изнурит (истратит)* («Беседа»); *сказа, наказывала, изгубих, возляже* («Сказание»); *устроише, наливает, подносит, воста, прииде, возбуди, распалилася* («Повесть»).

Составное глагольное сказуемое: *извыкли приизирати, извыкли помазовати, извыкли возвышати, извыкли вообразжати, извыкли украшати, не хочет покориться, нача увещевати, нача продавати, начнет навывкати, начнет искать* (Беседа»); *мысля предати смерти, хотя восхитити, здумали извести* («Сказание»); *начат уловляти, начат клеветати, начат нелепо глаголати, хотяше изгнати* («Повесть»).

Составное именное сказуемое с именной частью, выраженной именем существительным: *не строительница дому своему* (опущена связка), *не помощница* (опущена связка), *есми госпожа, есть оружие дьяволе, есть меч сатанин, есть оболгателница святым, была дочь, была девицею* («Беседа»).

Составное именное сказуемое с именной частью, выраженной именем прилагательным: *будет прекрасна, будет лепа, аз же бедная, была бы чесна, была бы хвална, еси блажен, есми госпожа, обзорлива* (опущена связка), *буя* (опущена связка), *несчастлива* (опущена связка) («Беседа»); в «Повести» и «Сказании» подобные примеры отсутствуют.

⁶³ В современном научном знании предикативная группа определяется и как предикативный центр, то есть сочетание подлежащего и сказуемого, когда они выражены отдельно.

⁶⁴ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 113.

Как простые, так и составные глагольные сказуемые могут иметь или не иметь зависимых слов: *нападет, задушит — уста стиснет, очи посушит; была дочь, аз же бедная — хочет большину имети, извыкли многих очеса на видение красоты своя превращати* («Беседа»). *Сказа, возляже — мужа злой смерти предала* («Сказание»). *Воста — несытно распалилася похотию блуда; начат клеветати — начат уловляти к грехопадению* («Повесть»). При этом в составе предложения встречаются как одиночные сказуемые (*Дабы аз тебе не знала!* — «Беседа»; ... *наполни ей дьявол в сердце злыи мысли на мужа своего...* — «Сказание»), так и однородные сказуемые (последних подавляющее большинство; *Она зелне въздыхает, слезит и шепчет, ни худа, ни добра не глаголет* — «Беседа»; *Детеля Бога не убоаяся и вельможь, и всяких людей не усрамишася, а от добрых жен укору и посмеху не постыдешася* — «Сказание»; *Жена же его, диаволомъ подстрекаема, воста от ложа своего, и прииде к постеле онаго юноши Саввы и возбуди его, понуждаше его к смешению блуда* — «Повесть»).

Рассмотрим на примерах разные предикативные группы. Следует отметить, что в подавляющем большинстве случаев отрицательная оценочная характеристика в исследуемых текстах заключена в глагольных сказуемых.

Начиная беседу с сыном с библейского сюжета о грехопадении, отец в своей реплике задает тон всему последующему повествованию: *жена его прелстися советом змииным*. Предикативная группа представлена глаголом в форме аориста *прелстися* с зависимым словом, выраженным существительным в творительном падеже *советом*, и определением при нем *змииным*. Такой тип предикативной группы — глагол + сущ. в Т.п. — является продуктивной моделью описания манеры поведения женского образа.

В «Беседе»:

Ис куста исходит змия и узрит человека и от него бежит, а злая жена подле человека лежит, а змииным ядом дышет.

И аще ю бьет жезлием или пинанием, или за власы рванием, то злую жену ничто неймет, но точною разжизает, и она злобою своею, что змию, шипит, в сердце его злохитрством секнет, по времени же и сама умрет, аще не покается.

Аще что муж ея припасет, и она пронырством все изнурить.

Скачет, пляшет и всем телом движется, сандалиями стучит, руками плещет и пляшет, яко прелстившаяся блудница Иродиада бедрами трясет, хрептом вихляет и главою кивает, голосом поет, языком глаголет бесовская.

В «Повести»:

Она же несытно распалилася похотию блуда, понуждаше его ово ласками, ово прещениемъ некими, угрожая ему, дабы исполнил желание ея.

Она же, яко ехидна злая, скрывает злобу в сердцаы своем и подпадает лестию к юноше оному.

Другой тип построения предикативной группы, актуализирующей отрицательную оценку «злой жены», — группа, состоящая из глагола с зависимым словом в винительном падеже (глагол + сущ. (местоимение) в В.п.) или в родительном падеже при отрицании.

В «Беседе»:

Украшают бо телеса свои, а не душу.

Да не слышат гласа божия, ни святых книг писания, ни отец своих духовных учения.

Ибо аще девическую печать и разорит, а девицею именуется.

Жены бо познали путь заблуждения.

И аще будет юн мужъ, и она его вскоре оболстит

В «Повести»:

Яко лютая змия хотяше яд свой изблевати на него.

Она же, яко ехидна злая, скрываетъ злобу в сердцаы своем.

В «Сказании»:

Уязви дьяволъ ея блудною похотью, возлюби красоту лица их.

Наполни ей дьявол в сердце злыи мысли на мужа своего, князя Данила Александровича.

Особую роль в формировании отрицательно оценочной глагольной предикации играют многочленные ряды однородных сказуемых. В этих предложениях встречаются разные модели предикативных групп.

А) Предложения, в которых однородные сказуемые представлены простым глагольным сказуемым с зависимыми словами.

В «Беседе»:

Прехитро себе украшает и опрятни сандалия обувает, и вежда свои ощиплет, и духами учинит, и лице, и шыю вапами пованит и румяноштью, и черноштью во очесех себе украсит, и в одеяние червленое себе облачает, и персни на руке возлагает и верх главы своея златом и каменiem драгимъ украшает;

В «Повести о Савве Грудцыне» этот тип встречается в таких предложениях:

Она же несытно распалилася похотию блуда, понуждаше его ово ласками, ово прещением некими.

Она же, яко лютая змия и лвица, яростию погледеша на него и приветства не являше ему.

Жена диаволским жалом подстрекаема, радостно течаше и стречает его со всякимъ ласканием и лобызает его.

Б) Предложения, в которых однородные сказуемые представлены составным глагольным сказуемым с зависимыми словами.

В «Беседе»:

И всегда хочет бошину имети и никому не хочет покоритися, ни послушати;

Извыкли [бо жены ихъ] в зеркало приизирати и вапами лица помазовати, вежда свои возвышати, черновидно лица вообразжати, многимъ себе уряжением украшати, многих очеса на видение красоты своея превращати.

В «Повести о Савве Грудцыне»:

*Она же **начять** мужу своему **клеветати** и **нелепо глаголати** на него и **изгнати вонъхотяше** из дому своего.*

В свою очередь такие предложения можно дифференцировать по способам выражения группы зависимых слов.

А) Зависимые слова, выраженные существительным в творительном падеже.

В «Беседе»: ***духами** учинит; **вапами** повапит, **камением** драгимъ украшает; **бедрами** трясет, **хрептом** вихляет и **главою** кивает, **голосом** поет, **языком** глаголет бесовская.*

В «Повести»: ***диаволскимъ жалом** подстрекаема, **радостно** течаше и **стречает** его со **всякимъ ласканием**.*

Б) Зависимые слова, выраженные существительным (местоимением) в винительном падеже.

В «Беседе»: ***сердце** его высосет, **тело** его изсушит, и во очесех **светлость** погубит, и **разум** отымет; сотворит **мужа** своего, **его** возненавидит, **юнных** возлюбит, умерщвляющее **зелие** сыщет, подобно **время** обрящет.*

В) Зависимые слова, выраженные наречием.

В «Беседе»: ***прехитро** себе украшает; ходит **быстро**; **задушит** **вскоре**; **ступает тихо**; **умилно** взирает.*

К отмеченной структуре предложения с однородными сказуемыми примыкают такие случаи, когда соседствующие предложения образуют синтаксически параллельные структуры с одиночными глаголами-сказуемыми в функционально сходных или идентичных позициях, например: *Горе граду тому, в немже **властелинствует** жена! Горе, горе дому тому, имже **владеет** жена* («Беседа»).

Временные формы глаголов-сказуемых, встречающиеся в тексте, разнообразны:

Настоящее время. В «Повести»: *наливает, приносит, вливает*. В «Беседе»: *шипит, охает, въздыхает, плачет, покоя не дает, чарует, злословит, осуждает*.

Будущее время. В «Беседе»: *начнет красти, начнет навекать, вопрошати будет, възыщет, будет шепты ухищряти*.

Аорист. В «Беседе»: *прелстися, успи, сотвори, не прикоснуса, не восколебася, плакася, рече, прииде*. В «Повести»: *бысть, поидоша, приидоша, заспа, воста, замысли, сотвори*. В «Сказании»: *возлюби, покрыша, остася, бысть, умысляша, пустиша, ехаша*.

Имперфект. В «Беседе»: *желаше, убегаше, поношаше, живяше, бияше*. В «Повести»: *творяше, пребываше, понуждаше, помышляше, хотяше, имеяху*. В «Сказании»: *машуше, храняше, глаголаше*,

Перфект без связки. В «Беседе»: *извыкли, преступила, восхотела, была, преложила*. В «Повести»: *распалилася, сотворил, ожидал*. В «Сказании»: *наказывала, привезли, наполнились*.

Отметим, что отрицательная оценка по-разному распределяется по компонентам предиктивной группы: она может содержаться и в значении самого глагольного сказуемого, и в зависимом от сказуемого компоненте. В связи с этим предикативные группы можно разделить на три типа:

1) Предикативная группа, все компоненты которой (и глагол, и зависимая часть) содержат признак негативной оценки.

В «Беседе»: *злобою своею шипит, что меденица пыхнет, будет шепты ухищряти, злобою пыхнет*. В «Повести»: *распалилася похотию, понуждаше прещением*.

2) Предикативная группа, в которой признак негативной оценки содержится только в значении глагола.

В «Беседе»: *его скоро оболстит, домочадец возненавидит, ризы растерзает, своих чад ненавидит, сердце его высосет, тело его изсушит, во очесех светлость погубит*. В «Повести»: *начят мужу своему клеветати*. В «Сказании»: *мужа изгубих*.

3) Предикативная группа, в которой признак негативной оценки содержится только в группе зависимого слова.

В «Беседе»: *зминым ядом дышет, гнев имеет, взыщет волшебств сатанинских*. В «Повести»: *скрывает злобу, подпадает лестию, яростию погледеша*. В «Сказании»: *блудною похотью возлюби, жыша в бесовском вожделением, зжилися любезно*.

Отрицательная оценка «злой жены» может быть реализована в структуре сложного предложения, например:

Хочет убо жена, дабы ея вси хвалили и любили и почитали, аще ли иную похвалят, то она возненавидит и вменяет не в дружбу, и чужую похвалу в студ влагает («Беседа»).

Довольно часто используется условная синтаксическая конструкция, оформленная союзами *аще*, ср.:

И аще в дому его не прилучится, и она близ оконца приседит, семо и овамо колеблющися, а со смирением не сидит: скачет, пляшет и всем телом движется, сандалиями стучит, руками плещет и пляшет, яко прелстившаяся блудница Иродиада бедрами трясет, хрептом вихляет и главою кивает, голосом поет, языком глаголет бесовская, ризы многи пременяет и в оконцо часто призирает, подобно Иродиаде чинится и многим юнным угодит, и всякого к себе лстит;

Аще и не умеет и не знает, а глаголет: «Умею и знаю».

Вариантом условной синтаксической конструкции может быть конструкция с двойным союзом обрaмленная союзами *аще... то*:

Аще ли иную похвалят, то она возненавидит и вменяет не в дружбу, и чужую похвалу в студ влагает;

Аще ли муж ея угодити восхоцет, то всех ему любити, их же она любит, тако и всех сих в ненависти имети, их же она возненавидит.

Также встречается условно-временная конструкция с союзом *егда* (*тогда*):

Егда отроча от чрева моего изыдет, и аз его своими руками удавлю.

Егда узрит человека, тогда главу свою похилит и очи свои посупит в землю и злобою пыхнет.

Перейдем к описанию морфологического уровня в создании негативной оценки образа «злой жены».

Рассмотрим выражение негативной оценки на уровне имен существительных. Сначала обозначим состав существительных, которые выражают (или способны выражать) непосредственную оценку «злой жены» самостоятельно, т. е. без употребления с зависимыми словами.

В «Беседе отца с сыном о женской злобе» находим такие примеры: *обавница, еретица, медведица, лвица, змия, скорпия, василиска, аспидна, ехидна, меденица, зверь, любодеица, властолюбица, блудница, злоба, совокупленница, похоть.*

Как можно заметить, лексические значения этих слов охватывают образы животных (*медведица, лвица, меденица*), мифологические образы и образы чудищ из Библии (*василиска, аспидна, зверь, змия, ехидна, скорпия*), человеческие поступки и качества (*обавница, еретица, блудница, властолюбица, любодеица, совокупленница*). Ряд существительных относится к разряду абстрактных имен, обозначающих разные чувства и их проявление (*дерзость, злоба, похоть*).

Такие существительные выступают в тексте в различных синтаксических функциях: роли подлежащего, именной части сказуемого, дополнения и в сравнительных оборотах. Например:

А лвица в пустыни на всякого человека и зверя наскочет и затерзает, тако и злая жена, яко лвица.

Злая жена подле человека лежит, а зминым ядом дышет — сей истинная запазушная змия.

Аще ли сицевую обрящеши: пронырливу, лстиву, лукаву, крадливу, блядливу, злозязычну, обавницу, еретицу, медведицу, лвицу, змию, скорпию, василиску, аспидну.

Основы некоторых из этих существительных являются производящими для формирования ряда однокоренных слов, функционирующих в тексте: например, *обавник, обавница, обавничество; еретица, еретичество.*

В «Повести о Савве Грудцыне» состав существительных, прямо характеризующих негативно образ героини, совсем невелик: в составе сравнительных оборотов — *ехидна, змия, львица.*

Она же, яко лютая змия и лвица, яростию погледеша на него и приветства не являше ему.

Похожая ситуация наблюдается и в «Сказании об убиении Даниила Суздальского»: *змей, сотона* (в составе сравнительного оборота), *злойдница, блядь* (приложение).

Злая же княгиня Улита, наполни ей дьявол в сердце злыи мысли на мужа своего, князя Данила Александровича, аки ярому змею яда лютаго.

Мужа своего изгубих своими наложники, аки сотона со двумя дьяволы.

Они же, злии, злаго ума от тоя злоядницы княгини Улиты наполнились.

Такоже и та блядь Улитка своего чрева блудныя, скверныя похоти насытовство власть на един час в бескорывство приим.

Более частотны случаи, когда существительные реализуют свою оценочную функцию в составе словосочетаний, во взаимодействии с другими словами (существительными, прилагательными, глаголами), которые уточняют характеристику через введение дополнительного признака, ср. примеры из «Беседы»: *сердцу копие; иноком жжение; очесем поползение; образ бо, яко девица, а нравом, яко окаянная блудница; очима обзорлива, и нравом буя, и всем несчастлива; оружие дьяволе; мечь сатанин; домовная буря, многим потоп, неудержимое стремление, покоище змиино, смертоносная беседа, неоставляющая трясовица, неуголимая огневица, мужу спящая леть, встающая печаль, самохотная злая ратница, грехом учителница, темный вождь, хоругви адова, ниспадаемое желание, ветвь*

дияволя, спасаемым соблазн, болезнь неисцелная, удобь уловляюща дерзость; ветр север, день неведрян, гостиница жидовская, совокупленница бесовская, насытная похоть; познали путь заблуждения; и всегда хочет болишину имети и др.

Во многих случаях мы наблюдаем здесь нейтральные существительные, которые выражают оценку именно в сочетании с зависимыми словами, чаще всего оценочными прилагательными: *беседа, покоище, день, гостиница, ветвь, путь, мечь, очи* и др.

Вышеперечисленные случаи употребления существительных являются непосредственной, прямой характеристикой «злой жены», но текст «Беседы» включает в себя и «косвенные» средства создания образа, когда автор использует характеризующую лексику для описания не самой «злой жены», а каких-либо явлений, метонимически с ней связанных.

Таковы, например, случаи употребления существительных, характеризующих последствия влияния «злой жены» (что способствует формированию общего отрицательного оценочного фона текста):

- *вам злое погубление (мужам), ибо женское украшение — всегдашня мужу сухота и приводит его до остраго меча.*
- *Горе граду тому, в немже властелинствует жена! Горе, горе дому тому имже владеет жена! Зло и мужу тому, иже слушает жены.*
- *Мнози чловецы... ..протчими лестьми прелцаются.*

Можно отметить и некоторые особенности употребления имен собственных. В «Сказании об убиении Даниила Суздальского» героиню зовут Улита, при этом автор использует суффикс -к-, называя героиню Улитка, что в сочетании с резко экспрессивным отрицательным словом *блядь* актуализирует негативную коннотацию наименования: *наложников тоя бляди Улитки*. В «Беседе отца с сыном о женской злобе» отец в качестве

сравнения использует символически значимое имя собственное из Евангелия — Иродиада.

Перейдем к характеристике имен прилагательных. Имена прилагательные с негативной оценкой встречаются в тексте «Беседы» в краткой и полной формах, например полные:

*Тако и **злонравная** жена не может слышати доброго ей поучения.*

*Аще ли **сицевую** обрящещи <...>*

*Слыши, сыне мой, про **лстивую** и **пронырливую** <...>*

*Слыши, сыне мой, про **сварливую** и **злаязычную** <...>*

*Слыши, сыне мой, про **лукавую** и **крадливую** <...>*

*Слыши, сыне мой, про **лстивую** и **блядливую** <...>*

*По времени же и сама умрет, аще не покается — во огонь ввергнется да тамо **окаянная** накажется.*

*Увы мне, о жено **безумная!***

Краткие прилагательные:

*Лутчи купити коня или вола, или ризу, нежели **злу** жену поняти, понеже не мощно познати, какова обычаем: аще и **недобролепна** или **буя**, или **болна**, или **блядлива**, или **горда**, или **гневлива**.*

Особенностью употребления прилагательных в тексте «Беседы» является их тяготение к субстантивации. Об этом нам может сказать употребление прилагательных в качестве тематических подзаголовков: *про сварливую и злаязычную; про лукавую и крадливую; про лстивую и пронырливую; про лстивую и блядливую.*

Прилагательные могут выполнять разную синтаксическую функцию. Полные прилагательные, как правило, выступают в роли определения (*последи **злонравную** жену не возлюбишь*); краткие прилагательные могут выступать и в роли определения (*пожала еси серпом **лукавства** змиина*), и в роли сказуемого (*аще и **недобролепна** или **буя**, или **болна**, или **блядлива**, или **горда**, или **гневлива***). В целом, однако, как уже было сказано оценочные

прилагательные в позиции предиката в тексте употребляются гораздо реже, чем глаголы, образующие с зависимыми словами оценочные единства.

Интересны случаи употребления одного и того же оценочного прилагательного в разной синтаксической позиции и в разной грамматической форме в составе одного предложения, например: *тако и злая жена в человецех инех злейшии суть* (полная форма в позиции определения и старая краткая форма того же прилагательного в сравнительной степени в позиции сказуемого).

Особо следует отметить факт вхождения прилагательных в однородный ряд с существительными: *Аще ли сицевую обрящещи: пронырливу, лстиву, лукаву, крадливу, блядливу, злозязычну, обавницу, еретицу, медведицу, лвицу, змию, скорпию, василиску, аспидну.*

В «Повести о Савве Грудцыне» набор оценочных прилагательных, непосредственно характеризующих героиню, по сравнению с «Беседой» невелик:

Видя же оная лукавая жена то, яко не возможе прелстити юношу к себе <...>

Проклятая же оная жена тщателно устроише волшебная зеля на юношу.

Она же, яко ехидна злая <...>

Она же, яко лютая змия и лвица <...>

В «Сказании» наблюдаются следующие примеры прилагательных:

Уязви дьяволъ ея блудною похотью, возлюби красоту лица их; и дьявольским возжелением зжилися любезно.

Злая же княгина Улита, наполни ей дьявол в сердце злыи мысли на мужа своего, князя Данила Александровича, аки ярому змею яда лютаго, а дьявольским и сотониным навождением блудною похотью возлюбив милодобрех и наложников и сказа им.

Прилагательные *блудный*, *дьявольский* (или *дьявольский*), *сотониный* метонимически характеризуют «злую жену».

Основным лексическим средством формирования образа «злой жены» являются слова, выполняющую оценочную функцию. При этом языковые средства с подобной функцией целесообразно разделить на два вида: а) слова, содержащие оценочный компонент в самом лексическом значении и приобретающие в силу этого эмоционально-экспрессивную окраску, б) слова, которые сами по себе не являются оценочными, но в рамках определенного контекста и в связи с общей темой изложения негативно характеризующие «злую жену». Таким образом, выделяется два пласта лексических оценочных средств: а) эмоционально-экспрессивные лексические компоненты и б) формирующие «рациональную» оценочность.

Яркую эмоциональную окраску тексту придают прежде всего элементы первой группы. Например:

Глаголы: *пронырством все **изнуритъ**; кротима **выситя**, а биема **беситя**; **прелстися** советом зминым; зубы своими **скрегчет**; она **лежит**, **шипит**; **всех злословит** и **укоряет**; она его **вскоре оболстит** и др.*

Существительные.

В «Беседе»: *обавница, еретица, блудница, властолюбца, любодееца, совокупленница, злаядница, василиска, аспидна, зверь, змия, ехидна, скорпия.*

В «Повести»: *змия, ехидна, лвица (прямая характеристика); **диавол** блуд, ласка, зелие, яд, злоба, леть, жало (метонимическая характеристика).*

В «Сказании»: *злаядница, волцы сотона, блядь (прямая характеристика); **возжеление**, **зло**, **дьявол**, **навождение**, **похоть** (метонимическая характеристика).*

Прилагательные.

В «Беседе»: *лютая, злонравная, льстивая, пронырливая, сварливая, злаязычная, лукавая, крадливая, блядливая, окаянная, безумная.*

В «Повести»: *лукавая, проклятая, злая, лютая (прямая характеристика); **диаволское** (метонимическая характеристика).*

В «Сказании»: *ярая, ярый* (прямая характеристика); *блудный, диавольский* (или *дьявольский*), *сотониный* (метонимическая характеристика).

«Рациональная» оценочность возникает, например, в следующих контекстах, где она формируется, как было сказано, словами, не имеющими отрицательных коннотаций. Например, в «Беседе»:

украшают бо телеса своя, а не душу;

да не слышат гласа божия, ни святых книгъ писания, ни отецъ своих духовных учения;

уды своя связали шелком, лбы своя подтягнули жемчюгом, ушеса своя позавесили драгими серезами.

Оценочность текста создается совмещением характеристик образа «злой жены», данных с разных точек зрения.

Наиболее ярко эта оценочность проявляется в тех контекстах, которые принадлежат голосу собственно автора текста, это непосредственно выраженная оценка, как правило с перечислением свойств, качеств «злой жены», ее привычных действий.

Например:

Сердце его высосет, тело его изсушит, красоты в лице не оставит, и во очесех светлость погубит, и разум отымет, и всякому в поношение вложит его («Беседа отца с сыном о женской злобе»);

Она же, яко ехидна злая, скрываетъ злобу в сердцахъ своемъ и подпадаетъ лестию къ юноше оному («Повесть о Савве Грудцыне»);

Злая же княгиня Улита, наполни ей дьявол в сердце злыи мысли на мужа своего, князя Данила Александровича, аки ярому змею яда лютаго, а дьявольским и сотониным навождением блудною похотью возлюбив милодобрех и наложников («Сказание об убиении Даниила Суздальского»).

В то же время в тексте выражается оценка, данная не при прямой характеристике «злой жены», исходящей от автора текста, а заключенная в

иных с коммуникативной точки зрения контекстах, в частности в прямой речи как самой героини, так и других героев.

Так, негативная оценка «злой жены» заключена в монологе Адама: *Увы мне, вся злая сия соделавшая и внезапно постигоша, тебе ради, жено прелесная. Ты мне незрелое безсмертие пожала еси серпом лукавства змиина, ты бо мою власть на рабство преложила и во очесех светлость помрачила, и нуждею реки слез изливаю. Увы мне, о жено безумная! Почто отлучи мя ангелского мирования и студным делом принуди мя? Ты, прелстившая мя, отиде от мене, уже бо не требую к тому совету твоего пагубного и лукавого, ниже будет о тебе промышление мое от сего времени* («Беседа»).

Часто «саморазоблачительная» отрицательная характеристика вложена в уста самой «злой жены».

Так, в «Сказании» героиня Улита придумывает новый план убийства: *дьявольским и сотониным навождеием блудною похотью возлюбив милодобрых и наложников и сказа им, Кучковым детям, своим любовникомъ, все по ряду: «Есть-де у насъ песь-выжлец...».*

В «Беседе» встречаются следующие реплики героини: *«Аще муж мой умрет, а живота своего мне не прикажет, и мне за иного мужа пойти не с чем и никто меня убогую за себя не возмет»; «Уморю мужа своего».*

Отметим, что в основном в «Беседе» на протяжении текста при описании разных «типов» «злых жен» используется единственное число. Обобщение конкретного типа «злой жены» по определённом признаку за счет употребления множественного числа можно обнаружить в следующих случаях:

Жены же лукавые умъ его помрачиша и, яко реку многотекущую, пресушаша, и доброту его погубиша, обратиша на пагубу, и блудом растлиша его, и прелстиша его во идолобесие, и сотвориша его поклонятися твари;

Жены бо познали путь заблуждения;

Украшают бо телеса своя, а не душу. Да не слышат гласа божия, ни святых книгъ писания, ни отецъ своихъ духовныхъ учения;

Извыкли [бо жены ихъ] в зеркало приизирати и вапами лица помазовати, вежда свои возвышати, черновидно лица вообразати, многимъ себе уряжением украшати, многих очеса на видение красоты своя превращати.

2.2. Риторические и стилистические средства создания образа «злой жены»

Тексты анализируемых повестей наполнены различными риторическими средствами, с помощью которых строится яркий образ отрицательных героинь произведений.

Одним из важнейших факторов достижения выразительности текста является ритмический. Ритмическая организация текста ощутима прежде всего в «Беседе отца с сыном о женской злобе», где она реализована на тематическом и синтаксическом уровне.

Композиция «Беседы отца с сыном о женской злобе» носит сложный характер. Художественной рамкой произведения является разговор отца с сыном; внутри нее — переплетение цитат и разнообразных бытовых зарисовок, изображающих злую жену в различных жизненных ситуациях. Текст «Беседы» ритмически организован — сюжетные и описательные эпизоды чередуются и повторяются. Так, после условной экспозиции, которая содержит общую характеристику внешнего вида, манер поведения и привычек злой жены (и женщины вообще, так как средневековая женщина — это прежде всего жена), герой-отец переходит к частным примерам. Эти бытовые эпизоды, а также известные литературные сюжеты организованы в синтаксические периоды, сменяющие друг друга, но объединенные общей темой.

Первый сюжетно-тематический пласт, организованный подобным образом, — это совокупность фрагментов, в которых отец объясняет, как

себя ведет женщина, обладающая теми или иными отрицательными чертами характера. Всего таких фрагментов в этой тематической группе десять, их предваряет пространное наставление-предупреждение отца о том, что ждет сына в случае женитьбы на «злой жене», заканчивающееся рядом однородных членов, — здесь употреблены существительные и краткие прилагательные, описывающие черты характера «злой жены», каждая из которых будет затем проиллюстрирована отдельно:

Аще ли сицевую обрящеши: пронырливу, лстиву, лукаву, крадливу, блядливу, злоязычну, обавницу, еретицу, медведицу, лвицу, змию, скорпию, василиску, аспидну.

Далее следуют фрагменты, разъясняющие то, как каждое из качеств, заложенное в значении конкретной лексемы, описывающей или называющей злую жену, влияет на жизнь мужа и атмосферу в доме. Последовательность этих фрагментов образует цепь периодов, придающих ритмическую окраску тексту, усиленную анафорой: каждый период начинается словами *Слыши, сыне мой*, например:

Слыши, сыне мой, про лстивую и пронырливую. Сия рукоделия делати не хочет...

Слыши, сыне мой, про сварливую и злоязычную: имеет язык, яко бритву изощренну...

Слыши, сыне мой, про лстивую и блядливую. Таковая жена мужу своему во стретение изыдет...

Слыши, сыне мой, про обавницу и еретицу. Из детска начнет у проклятых баб обавничества навывкати и еретичества искати...

Отдельно в этой композиционно-тематической части следует рассмотреть пять фрагментов, в которых содержатся сравнения-сопоставления образа «злой жены» с животными: медведицей и львицей (использованы автором в одном эпизоде, возможно потому, что эти животные имеют схожие повадки), змеей, скорпионом, мифическим василиском, аспидной и ехидной.

Автор здесь прибегает к использованию определенных средств художественной выразительности: сравнению, метафоре, символу — а сами сопоставления имеют одинаковую структуру; сначала идет характеристика животного, а во второй части — описание применительно к некоторой бытовой картине нрава «злой жены», уподобившейся животному в своей «лютости» или даже превосходящей зверя в смертоносности.

Например:

Слыши, сыне мой, про медведицу и лвицу. Яко же от таковых зверей едина, егда узрит человека, тогда главу свою похилит и очи свои посупит в землю и злобою пыхнет, на человека нападет и задушит его вскоре, тако и злая жена...

Слыши, сыне мой, про ехидну. Такова суть, ибо своих чад ненавидит, аще хочет родити, подиися их съести ... Сей же уподобишася ехидне нынешние девицы многие...

Слыши, сыне мой, про змию василиску. Такова суть, ибо зрением убивает человека, где завидит — тамо и побивает ... Тако же и прокудливая жена нравом злее змия василиска...

Л. В. Титова, исследовательница «Беседы», отмечает, что первый план фрагмента с описанием повадок того или иного животного по своему содержанию и структуре сходен с описаниями зверей в Толковой палее, Азбуковнике и Физиологе.⁶⁵ Также известно, что сравнения женщин с дикими зверями и змеями — традиционный мотив для средневековой литературы, берущий свое начало в древнегреческой комедии. Одним из авторов, активно использовавших сравнение женщины с «диким, неукротимым зверем», которое потом распространилось в древнерусской литературе, был Менандр.⁶⁶

Следующим тематическим пластом, организованным в виде периодов, является ряд рассказов о библейских персонажах, пострадавших от «злых

⁶⁵ Титова Л. В. Беседа отца с сыном о женской злобе. Новосибирск, 1987. С.128-129.

⁶⁶ Тимошенко И. Е. Литературные источники и прототипы трехсот русских пословиц и поговорок. Киев, 1897. С. 73.

жен»: Адаме, Ное, Лоте, Иосифе Прекрасном, Соломоне Премудром, Давиде песнопевце, Самсоне сильном, Илье-пророке, Иоанне Крестителе и Иоанне Богослове. Дополняют этот пассаж истории об Иоанне Златоусте и Александре Македонском. Рассказы следуют один за другим и также имеют одинаковую композиционную структуру: анафорический зачин (*Слыши, сыне мой, про...*), далее — описание мужчины как сильного / красивого / властного / храброго и т. д. и, наконец, — роковой поворот судьбы героя. Несмотря на все выдающиеся качества мужчины, герой оказывается обманутым или даже погубленным «злой женой». Ничто не помогает мужчине спастись от всеобъемлющей силы женской злобы — в этом заключается риторически реализованный смысл данного фрагмента, и на его основе строится дидактический посыл всего произведения.

Композиция двух других исследуемых произведений — «Повести о Савве Грудцыне» и «Сказании об убиении Даниила Суздальского» — более проста, а построение текста не обнаруживает признаков отчетливой ритмической организации. Это связано прежде всего с особенностью жанра и преобладанием в текстах повествовательного начала. Оба текста представляют собой последовательно выстроенные истории. В «Савве Грудцыне» замужняя женщина склоняет молодого мужчину к прелюбодеянию, что приводит героя к решению заключить сделку с нечистыми силами; княгиня Улита в «Сказании» замышляет убить своего мужа, но исполнителями преступления становятся ее сообщники-любовники. Персонаж, в котором угадывается литературный тип «злой жены», ее характер и манеры поведения не являются в данных произведениях композиционным центром произведения. Женские персонажи этих повестей являются своеобразным двигателем сюжета; действия героинь составляют лишь часть повествования, построенного по принципу линейной композиции.

Многие эпизоды исследуемых повестей основаны на приеме параллелизма, осложненного анафорой, антитезой, бессоюзием и другими риторическими фигурами.

Антитетичность, например, охватывает многие стороны «Беседы» и реализуется прежде всего на композиционном уровне. Во-первых, произведение в целом — это диалог героев, дискуссия, в которой сын пытается оспорить категоричные суждения отца о женщинах, приводя свои аргументы и примеры; во-вторых, прием антитезы реализован во многих фрагментах произведения. «Беседа» начинается с того, что отец рассказывает ветхозаветную историю о грехопадении Адама и Евы, неоднократно подчеркивая, что именно женщина является виновницей первородного греха. Сын же пытается оправдать Еву, обращается к истории Нового Завета и приводит в пример богородицу. Также герой подкрепляет свою позицию Словами о добрых женах (приписываемыми Иоанну Златоусту), таким образом, противопоставляя отношение к женщине в рамках старой веры с отношением к ней в рамках новой веры:

Сия радость сопротивна печали и благословение сопротивно клятвы, и вместо Адама — новый Адам — Христос, и вместо Евы благословенная богородица Мария.

Существительные *печаль* и *клятва* (в значении *проклятие*) в приведенном отрывке служат для создания метонимической характеристики «злой жены» и являются антонимами словам *радость* и *благословение*. Далее в этом же фрагменте сын перечисляет качества «доброй жены»:

жена добра мужа своего и по смерти спасет, и дому строителница бывает, и венец похвалы на главу мужу своему сплетиши полагает, и яко слаткия воды от усть ея истекают, и горесть сердечную мужу своему улаждает, милосерда, чадолюбива детем своим бывает, и дом свой въсякими добродетелми наполняет и т. д.

Противопоставление «добрых» и «злых» жен в «Беседе», основанное на наделении героинь соответствующими чертами характера, также

выражается и в конкретных парах антонимов: прежде всего *добрая — злая, строителница (дому своему) — не строителница (дому своему), добронравна — злонравна, пороком повреждена — добродетелми украшена* и др.

В «Повести о Савве Грудцыне» также содержится противопоставление двух женщин, одна принудила героя к *смешению блуда*, а другая уговорила Савву, *дабы покался*. Это противопоставление поддерживается на лексическом уровне при характеристике героинь с помощью прилагательных-антонимов *лукавая — благоразумная*.

Материал «Беседы отца с сыном» показал, что чаще всего в пределах одного тематического фрагмента или высказывания обнаруживается сразу несколько риторических приемов и фигур речи. Например:

Горе граду тому, в нем же властелинствует жена! Горе, горе дому тому, им же владеет жена! Зло и мужу тому, иже слушает жены! Здесь мы видим ряд риторических восклицаний, построенных на приеме синтаксического параллелизма и симплоки (сочетания анафоры и эпифоры с вариативной серединой).

...Со смирением не сидит: скачет, пляшет и всем телом движется, сандалиями стучит, руками плещет и пляшет, яко прелстившаяся блудница Иродиада бедрами трясет, хрептом вихляет и главою кивает, голосом поет, языком глаголет бесовская, ризы многи пременяет и в оконцо часто призирает... Здесь можно отметить прием бессоюзия. В данном контексте такой прием помогает передать быструю смену действий, совершаемых героиней.

Наряду с бессоюзием в тексте встречается обратный прием — многосоюзие, который, в свою очередь, несколько замедляет повествование:

И взыщет обавников и обавницъ и волшебств сатанинских, и над ествою будет шепты ухищряти, и под нозе подсыпати, и возглавие и в постелю вишивати, и в порты резаючи, и над челом втыкаючи, и всякия прилутшихся к тому промышляти.

Язык анализируемых повестей насыщен различными экспрессивными средствами, которые в большинстве случаев служат именно для описания «злой жены» и передачи авторской негативной оценки в отношении героини. Среди таких средств выделяются яркие метафоры и символы, а также несколько видов сравнений. Авторы многократно прибегают к использованию традиционного христианского символа — змию (или змие). Он восходит к ветхозаветной истории грехопадения Евы, которая была искушена змеем. Также номинация *зми* могла читаться как обозначение сатаны или дьявола в образе змея-искусителя.⁶⁷ Помимо метафор и сравнительных оборотов со словом *змя* (а также *змя василиска*, *аспидна*, *меденица*), которые толкуются в сопоставительных фрагментах, иллюстрирующих схожесть поведения и характера животного (реального или мифического) и женщины, в текстах обнаруживаются примеры, имеющие прямое отношение к библейскому символу: женщина *прелстися советом змииным*, *серп лукавства змиина* («Беседа»); *наполни ей дьявол в сердце злыи мысли на мужа своего, аки ярому змею яда лютаго* («Сказание»).

Всевозможные разновидности метафор (включая и метафорические сравнения и метафорические эпитеты) являются наиболее частотными тропами поэтического языка русского средневековья.⁶⁸ Данный тезис подтверждается и материалом нашего исследования. Однако стоит отметить, что, в отличие от «Повести о Савве Грудцыне» и «Сказания о Данииле Суздальском», текст «Беседы отца с сыном о женской злобе» содержит намного больше примеров употреблений метафорического переноса и использования готовых «формульных» метафор. Можно сказать, что метафора является одним из важнейших структурных факторов повествования в «Беседе». Опираясь на книги Священного Писания, автор памятника отразил в своем сочинении постулаты христианской религиозной морали. Данное наблюдение является в некотором роде закономерным, так

⁶⁷ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1974. Т. 6. С. 38.

⁶⁸ Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. Л., 1948. С. 3.

как именно религиозно-дидактическая литература («Беседу» чаще всего относят к жанру «отеческого наказания»⁶⁹) усвоила от византийских образцов «не только общее направление, в котором развивалось в ней метафорическое изображение, но и значительную часть готовых метафор».⁷⁰

Наиболее яркие метафорические образы, служащие для характеристики образа «злой жены» в «Беседе», появляются в уже упоминавшихся ранее контекстах, в которых героиня предстает в облике дикого животного: *зверя* (в значении дикого животного), *медведицы*, *львицы*, *змия*, *скорпиона*, *василиска*, *аспидны*, *ехидны*, *меденицы*. На приеме метафорического использования наименований животных строится отдельный, тематически цельный фрагмент описания «злой жены». Перед непосредственной характеристикой каждого образа животного отдельно автор соединяет номинации животных в пространном метафорическом ряду однородных членов. С каждым из перечисленных зверей «злая жена» схожа отдельной чертой своего характера, например, «жена-ехидна» не испытывает материнских чувств к собственным детям, а «жена-василиска» губит молодых людей своей красотой. Также стоит отметить, что *аспид* и *ехидна* являлись традиционными метафорическими обозначениями, рисующими образ врага, и перешли в древнерусскую словесность из византийской литературы.⁷¹ «Животная» метафора активно применяется и без прямого упоминания о звере, например: *она лежит — шипит; на всех яд своего языка испущает; лютостию на него дыхну*.

Во многих фрагментах текста метафорический образ животных обнаруживается в составе сравнительного оборота с союзом *яко* (в единичных случаях с союзами *аки*, *что*): *аки лев, яко львица, яко аспид*. Продуктивной структурой является конструкция «сравнительный союз + номинация животного». Ср. также иные конструкции, например: *яко же от таковых зверей едина, яко ядом змиинным*.

⁶⁹ Титова Л. В. Беседа отца с сыном о женской злобе. Новосибирск, 1987. С. 152.

⁷⁰ Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. Л., 1948. С. 7.

⁷¹ Там же. С. 43.

Приведенные формулы обнаруживаются и в двух других исследуемых повестях: *яко лютая змия; яко ехидна злая; яко лютая змия и лвица; яко свинья* («Повесть о Савве Грудцыне»), *Наполни ей дьявол в сердце злыми мысли, аки ярому змею яда лютаго* («Сказание об убиении Даниила Суздальского»)

В составе сравнительных оборотов с союзом *яко*, помимо уже названных номинаций зверей, встречаются названия *свинья* и *волк*. Ср.: *всегда в блуде пребываше, яко свинья в кале валяшися* («Повесть») — о Савве и соблаздившей его жене Бажена. Свинья — распространенный христианский символ, обозначающий дьявольское начало; в повествовании появляется фигура дьявола, который, завидуя благосостоянию дома Бажена, *уязвляет жену его на юношу онаго к скверному смешению блуда*.

Оне же злии, аки волцы лютии («Сказание») — данным сравнением охарактеризованы княгиня Улита («злая жена») и боярские сыновья — ее сообщники. В данном случае свойствам волка уподобляются человеческая злость, враждебность. Образ врага-волка чаще всего обнаруживается в древнерусской литературе в жанре воинской повести: например, в таких памятниках, как *Задонщина* и *Повести об Азове*. Вероятнее всего, авторы повестей, знакомые со многими оригинальными и переводными произведениями о «злой жене» (популярными в XVII в.), относились к использованию сравнений женщины с животным как к этикетной формуле, атрибуту определенной темы. Связь изображения героини в «Повести о Савве Грудцыне» и в «Сказании об убиении Даниила Суздальского» с традицией образа «злой жены» в Св. Писании и памятниках древнерусской эпохи прослеживается по большей части на мотивном уровне, однако отдельные трафаретные языковые единицы все же встречаются. Метафорические сравнения с животными в форме сравнительного оборота можно считать самой продуктивной конструкцией, при этом подавляющее большинство разнообразных риторических приемов, которые присутствуют в «Беседе», не используются авторами «Повести о Савве Грудцыне» и

«Сказания об убиении Даниила Суздальского» в качестве языковых средств для создания образа «злой жены».

Если для «Повести о Савве Грудцыне» стоит говорить только о сравнениях «злой жены» с диким животным (сравнительные обороты с союзом *яко*), то в тексте «Сказания об убиении Даниила Суздальского», помимо той же конструкции, встретился развернутый сравнительно-описательный оборот, содержащийся в эпизоде молитвы князя Андрея, брата убитого Даниила Суздальского. В своей речи, обращенной к богу, скорбящий князь сравнивает убийство своего брата с историей Бориса и Глеба, первых русских святых, невинно погубленных братом Святополком: *Господи, Владыко, Творце и всему Создатель, мстил еси ты кровь праведну Бориса и Глеба князю Ярославу на окаянного Святополка. Такжеже, Господи Владыко, мсти кровь сию неповинную, мне грешному, брата моего, князя Данила, на злых сих блудников, наложниковъ тоя бляди Улитки, несытых их плотских, блудных, скверных, грязных похотей, бесовских угодных дель, связанья их сотонина закона.*

Сравнение поступка Улиты с легендарной древнерусской историей братоубийства, несомненно, придает образу княгини крайне негативную оценку. Заканчивая свою речь, князь Андрей символически предсказывает скорую казнь княгини Улиты: *невеста готовитце окаянному Святополку во дне адове*. Княгиня Улита и Святополк стоят друг друга, по мнению автора, так как пошли на убийство в корыстных целях: Святополк из жажды власти и богатства, «злая жена» Даниила Суздальского — из похоти.

В «Беседе отца с сыном о женской злобе» инструментарий сравнений представлен богаче. Встречаются сравнительные обороты с союзами *яко* (*аки*), *подобно, что*: *наскочет, аки лев; что змия, шипит; подобно Иродиаде*. Последний пример — сравнение, отсылающее к известной евангельской истории о казни Иоанна Крестителя. Такое сопоставление безусловно влияло на отношение грамотного древнерусского читателя к «злой жене» и значительно дополняло образ героини. В тексте также обнаружился

единичный пример сравнительной конструкции с формой прилагательного в сравнительной степени: *нравом злее лвицы бывает*.

Также в тексте присутствуют примеры развернутых сравнительно-описательных оборотов с союзами *яко, также и, тако и*, например:

Якоже бо в луже вода семо и овамо преходя погибает, тако же и женский разум, яко храмина непокровенна и яко ветрило на верхъ горъ скорообразно вертящееся;

Яко же ров глубок не наполнится водою и огонь дровами, тако и злая жена николи же наполнится хотения своего, и злоба ихъ не умаляется, имея сокровище злобы, источникъ зла кипя непрестанно.

Сравнения опираются на метафоры-символы природных стихий, которым уподобляется «злая жена». Подобные примеры переноса качеств природных явлений и стихий — распространенный мотив древнерусской литературы и фольклора.

Стоит обратить особое внимание на один из заключительных фрагментов «Беседы отца с сыном о женской злобе», содержащий метафорическое описание «злой жены». Сын просит отца: *рцы ми слово вкратце: что лихая жена и что злоба ее*, на что отец отвечает пространным высказыванием, перечисляя все проявления женской злобы. Приведем отрывок полностью:

Слыши, сыне мой, жена злая — домовная буря, многим потоп, неудержимое стремление, сердцу копие, иноком жжение, очесем поползение, покоище змиино, смертоносная беседа, неоставляющая трясовица, неутолимая огневица, мужу спящая леть, встающая печаль, самохотная злая ратница, грехом учителница, темный вождь, хоругви адова, ниспадаемое желание, ветвь дияволя, спасаемым соблазн, болезнь неисцелная, злоба безуветная, удобь уловляюща дерзость; жена злая — ветр север, день неведрян, гостиница жидовская, совокупленница бесовская, насытная похоть.

Структура описания — бессоюзное нанизывание уподоблений (большой частью метафор), представляющих собою словосочетания и занимающих позицию однородных сказуемых. Здесь мы вновь встречаемся с типичными мотивами: метафора «жена — болезнь» (*неутолимая огневица, болезнь неисцелная*), метафора «жена — опасность для жизни» (*многим потоп, сердцу копие, самохотная злая ратница*), метафора «жена — приспешница дьявола» (*темный вождь, хоругви ада, ветвь дьявола, совокупленница бесовская*), метонимия «чувство, испытываемое женщиной, свойство характера женщины — женщина» (*ниспадаемое желание, востающая печаль, злоба безуветная, удобь уловляющая дерзость, насытная похоть*). Также «злая жена» метафорически уподобляется природным явлениям: *ветр север, день неведрян* (дождливый), *домовная буря, неоставляющая трясовица* (буря). Соединяя все тематические линии изображения «злой жены» в однородный ряд с высоким уровнем экспрессивности, автор, таким образом, делает общий, краткий и емкий вывод всего повествования.

Отдельные метафоры, то есть не включенные в ряды однородных членов, или однородные ряды метафор, гораздо менее обширные, нежели вышеописанный, также встречаются в тексте «Беседы». Так, книжник пишет о «злой жене»: *то бо есть оружие дьяволе, и мечь сатанин и оболгателница святым*, подчеркивая, что женщина является преемницей дьявольских сил и «орудием» зла на Земле. Текст памятника пронизывает мотив того, что «злая жена» со всеми своими привычками и манерой поведения способна растратить состояние мужа и даже погубить мужчину: *украшение — всегдашняя мужу сухота и приводит его до остраго меча*. Приводя в пример известные библейские сюжеты, автор развивает этот мотив и гиперболизирует его, утверждая, что женщина может стать причиной войн и разрухи в государстве: *от жен бо многи крови пролияшася, и царства разоришася, и царие от живота гонзнули, села и дома раскопаша*.

В текстах «Сказания об убиении Даниила Суздальского» и «Повести о Савве Грудцыне» преимущественно встречаются традиционные книжные метафоры, например *скрывает злобу в сердца своемъ* («Повесть»). Появление в сюжете «Повести» дьявола, который искушает женщину, отражается также и на языковом материале в метафорах, выражающих состояние и чувства жены, которым она подвержена, ср.: *сотониным законом связавшись*.

Важным фактором создания экспрессии во всех трех изучаемых произведениях является книжно-славянская стилистическая направленность. Хотя эта направленность может быть и не связанной напрямую с характеристиками «злой жены», но она «заражает» стилистически высокой экспрессией весь текст, что обеспечивает основной оценочный модус текста соответствующей силой воздействия на читателя. Книжно-славянская направленность текстов подтверждается соответствующими лексическими, морфологическими и синтаксическими показателями. В дополнение к тем стилистическим приметам, которые уже были отмечены выше (старые книжные претериты, церковнославянские союзы), назовем еще некоторые средства формирования книжно-славянской стилистической ориентации.

Использование сложных слов как элементов книжной окраски: *милодобрех, благоверный, братоубийца, злоубивствие, злоядница* и др. («Сказание об убиении Даниила Суздальского»); *долготерпимый, многомилостивый, человеколюбие, благочестивый, едиnorodный, добродетельный, блудодеяние, благолюбивый, грехопадение* и др. («Повесть о Савве Грудцыне»); *чадолюбивый, самовластие, нескверноложение, добронравие, злаязычная, злохитрство, злонравие, идолобесие, любодееща, властолюбия* и др. («Беседа отца с сыном о женской злобе»).

Использование библейской лексики и фразеологии: *Творце и всему Создатель, Небесное Царство, дно адово* («Сказание об убиении Даниила Суздальского»); *страх Божий, святая церковь, суд Божий, Божественная*

литургия («Повесть о Савве Грудцыне»); глас Божий, райская пища, Святой Дух, адские места, ангел Господен («Беседа отца с сыном о женской злобе»).

Широкое использование причастий как книжных глагольных форм. Так, в «Беседе отца с сыном о женской злобе» наиболее употребительными являются действительные причастия с генетически старославянскими суффиксами (*семо и овамо колеблющихся; ибо змиин род велми в ползающих злобою злейши иных гадов; неоставляющая трясовица, встающая печаль, удобь уловляюща дерзость*). Часто генетические причастия употребляются в функции современного деепричастия: *Той же отторгнуся от нея, она же ят за ризу его, он же **оставив** ризу свою в руке ея и отбеже от нея вне двора.* Следует отметить включение причастий в однородный ряд: *Таковая жена мужу своему во стретение изыдет, ланитами **склабящихся** и нравом **уничжающихся**, и за руке мужа **принимающе**, и одеяние **совлачающе**; словесы **лстящи**, усты **лобызающи**, сице **глаголющи**...* В тексте «Сказания об убиении Даниила Суздальского» можно отметить генетические причастия в функции деепричастия с суффиксом -в- (*возложыв, взяв*) и -а- (-я-) (*удручая тело свое блудною любовною похотию, скверня в прелюбодевствии*), страдательные и действительные причастия с суффиксами -ен-, -ян-, -ан-, -ущ- (-ющ-) (*повешеной быть, ростриляной быть, быть закопаной; те же искомьи его увидевше пса радующеся и хвостом машуще*). В «Повести о Савве Грудцыне» обращает на себя внимание неоднократное включение причастий в состав оборота «дательный самостоятельный»: *И немалу же времени минувишу, абие разболеся Савва, и бе болезнь его велми тяжка зело, и быти ему к смерти.*

Синтаксическая сложность текста. Тексты изучаемых памятников отличаются наличием объемных, распространенных предложений. Однако в каждом из произведений своя относительная частотность объемных синтаксических конструкций. В «Повести о Савве Грудцыне» и «Сказании об убиении Даниила Суздальского» предложения в рамках текста примерно равны по своему объему. В описательных фрагментах синтаксическая

структура предложений расширяется и усложняется сравнительными оборотами, а также причастными и деепричастными оборотами и однородными членами. Текст «Беседы» наполнен разнообразными по своей синтаксической структуре предложениями. Приведенные в данной главе примеры показали, что синтаксический инструментарий произведения состоит из простых и сложных предложений (с подчинительной, сочинительной и бессоюзной связью), предложений с нагромождением однородных членов, сравнительных оборотов, деепричастных и причастных оборотов, предложений с прямой речью и цитацией.

Особо следует отметить взаимодействие синтаксических и лексических факторов. Так, построение рядов однородных членов часто сочетается с нагнетанием синонимов, например:

*Такоже, Господи Владыко, мсти кровь сию неповинную, мне грешному, брата моего, князя Данила, на злых сих блудников, наложниковъ тоя бляди Улитки, насытых их **плотских, блудных, скверных, грязных похотей, бесовских угодных дель, связанья их сотонина закона*** («Сказание»);

*Она же начять мужу своему **клеветати и нелепо глаголати** на него* («Повесть»);

*Всех **злословит и укоряет, и осуждает, и на всех яд своего языка испущает*** («Беседа»).

Заключение

В работе исследованы языковые средства создания образа «злой жены» в памятниках XVII века: «Беседе отца с сыном о женской злобе», «Повести о Савве Грудцыне», «Сказании об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы». В ходе работы был изучен теоретический материал, посвященный основным тенденциям, наметившимся в русском литературном языке поздней Московской Руси, а также явлению литературного этикета в древнерусской словесной культуре. Кроме того, в качестве теоретической основы настоящей работы были использованы книги и статьи, в той или иной степени затрагивающие тему образа «злой жены» в древнерусских учительных произведениях. В исследовательской части содержится анализ отобранных из текстов грамматических, лексико-семантических, риторических средств создания образа «злой жены», дана их классификация. Выделенные конструкции проиллюстрированы примерами из всех трех произведений (в соответствии с наличием их в текстах), что дает возможность сопоставить языковые инструментарию памятников.

Рассмотренные тексты в значительной степени реализуют установку на славянизированное, книжное стилистическое начало. Одним из подтверждений этого служит ориентация авторов на традиционные образцы изображения «злой жены», сформированные религиозными и учительными произведениями древнерусской эпохи. В «Беседе отца с сыном о женской злобе» прямо явлена ориентация книжника на конкретные тексты — помимо прямых цитат и отсылок, для памятника характерна шаблонная композиция древнерусских сочинений о «злых женах». Сложно сделать вывод о том, какими именно текстами пользовались авторы «Повести» и «Сказания» при переносе образа «злой жены» в свои произведения; вероятнее всего, имея в качестве материала целый комплекс произведений на данную тематику, книжники обратились к наиболее устойчивым мотивам (например, сравнению женщины с диким животным) и наполнили свои произведения

соответствующими конструкциями (сравнительными оборотами с метафорическим переносом качеств животного на характер женщины).

В языковом плане аргументами в пользу отнесения рассмотренных текстов к книжному стилю являются: 1) наличие разнообразных средств выразительности на уровне лексики и синтаксиса — произведения насыщены эпитетами, сравнениями, метафорами, конструкциями с осложненным анафорами и антитезами синтаксическим параллелизмом, риторическими восклицаниями, вопросами, обращениями (из трех текстов «Беседа» в наибольшей степени насыщена различными тропами и фигурами речи); 2) наличие книжно-славянской лексики, а также сложных слов; 3) использование книжных синтаксических конструкций с углублением синтаксической перспективы при помощи генетических причастий и нагромождением однородных членов (например, в тексте «Беседы» крайне немногочисленны предложения с одиночным сказуемым, для «Повести» и «Сказания» они являются более употребительными конструкциями по причине установки на линейную повествовательную композицию); 5) частотность архаических грамматических форм, в частности форм аориста и имперфекта (во всех трех текстах древняя форма аориста используется для выражения действия, относящегося к прошлому, значительно чаще перфекта).

В то же время языковая ситуация XVII века, для которой характерно смешение стилей и формул литературного языка, отразилась в текстах рассматриваемых произведений. Например, в пределах каждого из трех памятников обнаруживается параллельное использование старых и новых форм прошедшего времени: аорист и имперфект чередуются с перфектом без связки.

В ходе исследования удалось прийти к следующим выводам:

1. Негативная оценка образа «злой жены» сконцентрирована в позиции предиката, при этом оценочные глагольные сказуемые преобладают над именными. Частотны предикативные группы, реализующие

отрицательную оценку «злой жены»: 1) предикативная группа типа «глагол + сущ. в Т.п.»; 2) предикативная группа типа «глагол + сущ. (местоимение) в В. п.». Отрицательная оценочность ярко проявляется в составе предикативных групп, включающих многочленные ряды однородных сказуемых: 1) в предложениях, в которых однородные сказуемые представлены простыми глагольными сказуемыми с зависимыми словами; 2) предложения, в которых однородные сказуемые представлены составными глагольными сказуемыми с зависимыми словами. Данные модели дифференцируются по морфологическим способам выражения группы зависимых слов. Отрицательная оценка по-разному распределяется по компонентам предикативной группы: она может содержаться в лексическом значении всех компонентов предикативной группы, только в лексическом значении сказуемого или только в лексическом значении группы зависимых слов. Первый из этих типов наименее распространен, встречается преимущественно в тексте «Беседы».

2. Негативная оценка образа «злой жены» выражена на уровне имен существительных. Лексические значения существительных, актуализирующих отрицательную оценку, охватывают номинации животных, мифологические и библейские образы, человеческие поступки, качества, проявления чувств. Имена существительные выступают в синтаксических функциях подлежащего, именной части сказуемого, дополнения и в составе сравнительных оборотов. Имена существительные разделяются на те, которые прямо выражают характеристику «злой жены», и те, которые выражают ее метонимически (такая модель выражения представлена в текстах «Повести» и «Сказания» при относительно слабой степени выраженности прямой характеристики «злой жены»).

3. Негативная оценка образа «злой жены» выражена на уровне имен прилагательных. Встречаются краткие и полные формы прилагательных. Прилагательные могут выполнять синтаксическую функцию определения

или сказуемого. Оценочные прилагательные в роли сказуемого обнаруживаются преимущественно в тексте «Беседы».

4. Основным лексическим средством формирования образа «злой жены» в памятниках являются слова, выполняющие оценочную функцию: а) эмоционально-экспрессивные лексические компоненты (существительные, прилагательные, глаголы); б) лексические компоненты, формирующие «рациональную» оценочность в контексте.

5. Негативная оценка «злой жены» бывает заключена не только в прямой характеристике, исходящей от автора, но и в других коммуникативных типах высказывания (например, в прямой речи героини или героев). Так, к метонимической характеристике героини в «Повести о Савве Грудцыне» относится описание действий и характера героев Саввы и Бажена, в «Сказании об убиении Даниила Суздальского» «саморазоблачительная» характеристика героини вложена в уста самой княгини Улиты.

6. Ритмическая организация текста ощутима прежде всего в «Беседе отца с сыном о женской злобе» — в тексте она ярко проявляется на тематическом и синтаксическом уровнях. Построение текста «Беседы» в виде ряда периодов восходит к композиции древнерусских вариантов «Слов о добрых и злых женах».

7. Помимо уже названного приема параллелизма, осложненного анафорой, антитезой, бессоюзием, многосоюзием, особо следует отметить широкое использование сравнений, характерных для всех трех повестей. В текстах «Повести», «Сказания», «Беседы» отмечены одинаковые сравнительные обороты с союзом *яко* с переносом качеств животного на характер и поведение «злой жены». Данное риторическое средство, судя по всему, является самым распространенным маркером образа «злой жены». В тексте «Беседы» также присутствуют примеры развернутых сопоставительных сравнений, по своей форме схожих со статьями о животных из Физиолога и Азбуковника.

9. В целом инструментарий, служащий для языковой реализации образа «злой жены», в текстах «Повести» и «Сказания» можно охарактеризовать как скромный по сравнению с набором элементов в «Беседе». Тем не менее удалось выделить ряд общих лексических, грамматических и риторических черт для всех трех текстов. Можно сказать, что книжники перенесли из традиции в свои сочинения ряд характерных языковых черт, сохранив их функциональную значимость и частично структуру.

Источники и словари

Источники

1. Беседа отца с сыном о женской злобе (Подготовка текста и комментарии Л. В. Титовой) // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, Н. В. Понырko. СПб., 2006. Т. 15: XVII век. С. 447-457. Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/BLDR/Vol.%2015/41-Беседа%20отца%20с%20сыном%20о%20женской%20злобе.pdf> (дата обращения: 01. 06. 2018).
2. Повесть о Савве Грудцыне (Подготовка текста и комментарии А. М. Панченко) // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, Н. В. Понырko. СПб., 2006. Т. 15: XVII век. С. 44-58. Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/BLDR/Vol.%2015/03-Повесть%20о%20Савве%20Грудцыне.pdf> (дата обращения: 01. 06. 2018).
3. Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы (Подготовка текста и комментарии М. А. Салминой) // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, Н. В. Понырko. СПб., 2006. Т. 15: XVII век. С. 142-146. Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/BLDR/Vol.%2015/16-Сказание%20об%20убиении%20Даниила%20Суздальского.pdf> (дата обращения: 01. 06. 2018).

Словари

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
2. Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1974. Т. 6.

Литература

1. Адрианова-Перетц В. П. Человек в учительной литературе Древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 27. Л., 1972. С. 3-68.
2. Адрианова-Перетц В. П. Исторические повести XVII века и устное народное творчество // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 9. М., 1953. С. 67—96.
3. Адрианова-Перетц В. П. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.; Л., 1937.
4. Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. Л., 1948.
5. Анпилогова Е. С. Образ русской женщины по памятникам литературы конца XVI – начала XVIII веков // Исторические науки. 2006. № 3. С. 73-80.
6. Архангельский А. С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Ч. 4. Казань., 1890.
7. Бобров А. Г. «Мирские притчи» в древнерусской рукописи XV века // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 46. СПб., 1993. С. 291-299.
8. Веселовский А. Н. Памятники литературы повествовательной // Галахов А. История русской словесности, древней и новой. Т. 1. СПб., 1880.
9. Дроздова М. А. Женские образы в переводной новеллистической повести XVII в. // Новый филологический вестник. Т. 40. № 1. М., 2017. С.57-67.
10. Дроздова М. А. Образ «злой жены» в произведениях древнерусской словесности XVII века // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Т. 1. № 4. СПб., 2015. С.9-15.

11. Дроздова М. А. «Злая жена» в древнерусской словесности // Русская речь. № 4. М., 2016. С. 67-74.
12. Живов В. М. Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 1. Древняя Русь. С. 73–108.
13. Каган М. Д. Слова о добрых и злых женах // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV — XVI в.). Ч. 2: Л–Я / АН СССР. ИРЛИ; Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1989. Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4630> (дата обращения: 01. 06. 2018).
14. Камчатнов А. М. История русского литературного языка. XI — первая половина XIX века: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. пед. учеб. заведений. М., 2015.
15. Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.
16. Ковалевская Е. Г. История русского литературного языка. М., 1978.
17. Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. Л., 1989.
18. Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка. СПб., 2005.
19. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.
20. Лихачев Д. С. Проблема характера в исторических произведениях начала XVII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 8. М., 1951. С. 218-234.
21. Лихачев Д. С. Развитие русской литературы XI—XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973.
22. Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. Л., 1987.

23. Лихачев Д. С. Семнадцатый век в русской литературе // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, Н. В. Понырко. СПб., 2006. Т. 15: XVII век. С. 5-30.
24. Мещерский Н. А. История русского литературного языка. Л., 1981
25. Модестов Е. О послании Даниила Заточника // Журнал Министерства народного просвещения. 1880. Ч. 212. № 11. С. 165-196.
26. Орлов А. С. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII веков. СПб., 1909.
27. Панченко А. М. Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970.
28. Пыпин А. Н. История русской литературы. СПб., 1902. Т. 2.
29. Русская демократическая сатира XVII века / Подгот. текстов, ст. и коммент. В. П. Адриановой-Перетц; Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.; Л., 1954.
30. Соболевский А. И. История русского литературного языка. Л., 1980.
31. Соколова Л. В. Слово Даниила Заточника // Библиотека литературы древней Руси. Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4942> (дата обращения: 01. 06. 2018).
32. Сулица Е. И. Женские типы «искусительницы» и «злой жены» в русской повести конца XVII века — начала XVIII века. // Вестник славянских культур. Т. 4. № 34. М., 2014. С.168-177.
33. Тимошенко И. Е. Литературные источники и прототипы трехсот русских пословиц и поговорок. Киев, 1897.
34. Титова Л. В. Беседа отца с сыном о женской злобе. Новосибирск, 1987.
35. Тихомиров М. Н. «Написание» Даниила Заточника // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1954. Т. 10. С. 269-279.

36. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
37. Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). М., 2002.
38. Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953.